

Все поправки, перечисленные в упомянутом письме к Анненкову от 26 ноября (8 декабря) 1867 года (которые условно можно обозначить как третий слой правки), обнаруживаются на полях гарвардского автографа. Особенно интересна здесь вставка к главке IX: «А что до Наркиза Семеныча, — промолвил он нараспев, — так ежели я по ихнему понятию необстоятельный человек на сем свете есть — и я на то доложу: отрастили они себе брови не хуже тетерева да и полагают, что чрез то все науки произошли... Тем временем» (П 8, 72), — где Тургенев последовательно отвергает несколько вариантов, подбирая наиболее емкую характеристику, которой Огурец награждает брови Наркиза.⁶¹

Приведенные немногочисленные примеры не только свидетельствуют о значимости обнаруженного автографа для восстановления творческой истории «Бригадира», но и наглядно демонстрируют, как сильно меняет картину возникающая возможность сопоставления всех трех автографов. К сожалению, можно по пальцам сосчитать случаи, когда исследователи располагают полным комплектом рукописей того или иного произведения.

⁶¹ См.: Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 21 — где зафиксированы, например, следующие варианты после слов «отрастили они себе брови не хуже тетерева»: а. так какие же привилегии получили б. и какую же привилегию через то получили в. что больше ничего за ними не видно г. да и полагают, что им и черт не брат.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-122-161

© К. М. Азадовский

ВЕНСКИЙ АКЦЕНТ: ФЕДОР СОЛОГУБ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

Вопрос о восприятии раннего творчества Сологуба в германоязычном мире не привлекал к себе до настоящего времени особого внимания. Между тем именно в Австрии, причем уже в 1890-е годы, и проза, и поэзия Сологуба вызывают к себе определенный интерес, особенно в кругу писателей и литературных критиков, захваченных модными исканиями «нео-романтической» эпохи.

Это касается в первую очередь неформального объединения «Молодая Вена» (вариант: «Молодая Австрия»), сложившегося в первой половине 1890-х годов. В эту группу входили поэты и прозаики, критики и журналисты, имена которых составляют гордость австрийской культуры конца XIX — начала XX столетия: Герман Бар (идеолог движения), Рихард Бер-Гофман, Гуго фон Гофмансталь, Феликс Зальтен, Артур Шницлер и др.; к ним тяготел и Петер Альтенберг. О каждом из этих авторов, давно уже «классиков», объединенных в ту пору своими новаторскими устремлениями, существует ныне богатая литература. Однако в многочисленных ученых трудах, посвященных венскому модернизму, имя Федора Сологуба, чьи произведения получили известный резонанс, в первую очередь, среди «младовенцев», почти не упоминается. Ускользнула от внимания исследователей и фигура венского литератора Александра Браунера — первого ценителя и переводчика Сологуба в странах немецкого языка. Недостаточно освещен и другой, казалось бы, примечательный факт: на рубеже веков к творчеству Сологуба обращается Р.-М. Рильке, небезразличный в конце 1890-х годов к литературно-издательским начинаниям «Молодой Вены».

Мы попытаемся восполнить этот пробел, приоткрыв в первую очередь биографический пласт русско-австрийских знакомств и «отношений», способствовавших ранней известности Федора Сологуба в германском культурном пространстве.

* * *

Одним из участников группы «Молодая Вена» был математик (по профессии) и музыкант (по призванию) Лео Ван-Юнг (1866–1939, Рига), сын одесского коммерсанта Соломона Ван-Юнга (1819?–1879, Вена). Матерью Лео была Клара Ван-Юнг (урожд. Венгерова; 1839–1913, Вена), состоявшая в родстве с семьей Паулины и Афанасия Венгеровых, чьи дети (в особенности Семен, Зинаида и Изабелла) внесли, как известно, значительный вклад в русскую литературную и музыкальную культуру.

Семья Венгеровых была тесно связана с Веной. Почти все представители этой семьи (и старшего, и младшего поколения) не раз наезжали в австро-венгерскую столицу, где задерживались подчас на долгое время. Так, Паулина Венгерова провела в Вене вместе с малолетними Изабеллой и Владимиром около трех лет (приблизительно в 1881–1884 годах — после крупного пожара в Минске, уничтожившего дом Венгеровых).¹ В 1883 году, окончив женскую гимназию, в Вену приезжает ее старшая дочь Зинаида (1867–1941, Нью-Йорк), чтобы заняться изучением иностранных языков и западноевропейской литературы.² В конце 1880-х годов в Вену переселяется из Минска близкая приятельница Паулины Луиза (Луиза Марковна) Фокшанеану (с 1892 года — Флакс-Фокшанеану; 1863–1920), переводчица русских авторов (Н. Минского, Л. Толстого, Чехова) на немецкий язык.³ А в 1892 году студенткой Венской консерватории становится Изабелла (Белла) Венгерова (1877–1956, Нью-Йорк), сестра Зинаиды, продолжившая затем свое обучение (также в Вене) у знаменитого пианиста и композитора Теодора Лешетицкого. Так, приблизительно в середине 1890-х годов, в Вене складывается тесный «русский кружок».

Приятелем Изабеллы Венгеровой был в то время Лео Ван-Юнг; их близкие отношения, принявшие в середине 1890-х годов, насколько можно судить, драматический оборот, не повлияли, однако, на длительность их дружественной связи, продолжавшейся на протяжении многих лет. Позднее, уже расставшись с Веной, Изабелла Венгерова часто приезжала в этот город лишь с одной целью: повидаться с Лео, глубокое чувство к которому она пронесла сквозь всю свою жизнь.

Именно Лео Ван-Юнг ввел Изабеллу в круг своих венских друзей, собиравшихся тогда чуть ли не ежедневно в знаменитом кафе «Гринштайдль» (закрылось в 1897 году), которое Стефан Цвейг назовет в своих мемуарах «штаб-квартирой молодой литературы».⁴ Подружившись с Бер-Гофманом, Гофмансталем, Шницлером и другими посетителями этого кафе, Изабелла Венгерова станет для них со временем «своим человеком»; ее дружба с названными венскими писателями, их женами и близким окружением сохранится на долгие годы. Особенной теплотой отличались ее отношения с Артуром и Ольгой Шницлерами,⁵ их другом Артуром Кауфманом (1877–1938), венским адвокатом, философом и шахматистом,⁶ позднее — с Якобом Вассерманом, сблизившимся на рубеже 1890-х и 1900-х годов с «Молодой Веной».

Поддерживая переписку со своей семьей в Петербурге, Изабелла была, разумеется, au courant всех новостей, относящихся к русской словесности, и охотно делилась ими с венскими друзьями. Для истории русско-немецких литературных «пересечений» наиболее значимо ее знакомство со Шницлером, которого Изабелла Венгерова познакомила (поначалу заочно) с Зинаидой, весьма способствовавшей впоследствии

¹ См.: Венгерова П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века. СПб., 2005. С. 198.

² Венгерова З. Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгеровой / Послесловие, подг. текста А. Н. Николюкина. М., 2004. С. 83.

³ П. Венгерова с благодарностью вспоминает о ней в предисловии к своей мемуарной книге (см.: Венгерова П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века. С. 6).

⁴ Zweig St. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a/M., 1992. S. 64.

⁵ Сохранилось 10 писем Артура Шницлера к И. А. Венгеровой (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 5. Ед. хр. 1113); письма относятся к 1907–1914 годам.

⁶ Многочисленные письма А. Кауфмана к И. А. Венгеровой за 1903–1915 годы также хранятся в ИРЛИ (Ф. 39. Ед. хр. 1068, 1068а, 1068б).

успеху его произведений в России. Так, в сентябрьской книжке «Вестника Европы», в котором З. Венгерова сотрудничала в течение многих лет, была опубликована в 1898 году ее статья, посвященная сборнику коротких «новелл» (Noveletten) Шницлера «Жена мудреца» (Berlin: S. Fischer, 1898).⁷ «В сентябрьском „Вестнике Европы“ прочти мою заметку о Шницлере, — писала Зинаида Афанасьевна своей сестре. — Я от него в восторге. <...> Есть сцены удивительно тонкие. Ты, кажется, с ним, Шницлером, знакома. Как же ты не влюбилась в него? Он, вероятно, умный и тонкий человек — я им очарована после томика Noveletten».⁸

В дальнейшем, посетив очередной раз Вену, Зинаида Венгерова лично познакомилась со Шницлером. Увлечшись его творчеством, она в течение ряда лет рецензировала его новые произведения, переводила их на русский язык (рассказы «Поручик Густль», «Фрау Беата и ее сын», пьесы «Подруга жизни», «Зеленый попугай» и др.) и неоднократно писала о его творчестве, подчеркивая при этом «какую-то особенность австрийской жизни, сравнительно, скажем, с жизнью французской и немецкой», ту особую венскую атмосферу, «которая и составляет интерес описываемой им среды».⁹ Кроме того, получив от автора «авторизацию» (право перевода), Венгерова могла публиковать в России то или иное произведение Шницлера по рукописи.¹⁰ Связь Шницлера с З. Венгеровой осуществлялась, как правило, через ее сестру. О встречах и переписке австрийского писателя с Изабеллой и Зинаидой Венгеровыми красноречиво свидетельствует его многотомный дневник, изданный в 1981–2000 годах.¹¹

Одним из участников встреч и дискуссий, бурно протекавших в «Гринштайде», был Александр Матвеевич Браунер (1871–1937),¹² выходец из России, инженер-электрик по образованию, служивший в 1890-е годы на фабрике И. Кременецкого (фирма «Kremenezky, Mayer & Co»). Образованный и начитанный, литературно одаренный молодой человек, захваченный нищезанятием и «декадентскими» веяниями 1890-х годов, Браунер пытался в те годы писать собственные стихи и пробовал свои силы в переводе на немецкий язык русских авторов, например Чехова.¹³

Литературные интересы молодого Браунера стимулировало в немалой степени его дружеское общение с Венгеровыми и Флаксами. В особенности он сблизился с Владимиром Венгеровым (1873–1900), братом Зинаиды и Изабеллы, учившемся в 1892–

⁷ З. В. [Венгерова З. А.]. [Рец. на:] Arthur Schnitzler. Die Frau des Weisen // Вестник Европы. 1898. № 9. С. 423–428. Статья начиналась с утверждения о том, что «молодая немецкая литература распадается теперь на чисто германскую, главным центром которой является Берлин, и австрийскую, сосредоточенную около нескольких журналов, издаваемых в Вене» (с. 423).

⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1049. Л. 65 (письмо без даты). Вероятно, по поводу этой «заметки» И. А. Венгерова писала сестре 17 октября 1898 года: «Оттиск для Шницлера получила и посылаю ему на днях» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 517. Л. 15 об.).

⁹ Венгерова З. О Шницлере // Венгерова З. Литературные характеристики. СПб., 1910. Кн. 3. С. 39.

¹⁰ См.: Шницлер А. 1) Графиня Мицци, или Семейный съезд. Комедия в 1-м действии / Авториз. пер. с рукописи З. А. Венгеровой. М., [1908]; 2) Путь к свободе. Роман / Авторизованный пер. с нем. под ред. З. А. Венгеровой. СПб., 1908.

¹¹ См., например, запись от 13 января 1907 года: «Во второй половине дня пришла Бэлла Венгерова. Письмо от ее сестры относительно судьбы моих пьес в России. Предложение от Комиссаржевской...» (Schnitzler A. Tagebuch 1903–1908 / Hrsg. von Werner Welzig. Wien, 1991. S. 248); другая запись — от 5 июля 1908 года: «Получил от З. Венгеровой русское издание „Путь к свободе“» (Ibid. S. 343; «Путь на волю» («Der Weg ins Freie») — роман Шницлера, 1908); З. Венгерова рецензировала этот роман (Вестник Европы. 1908. № 7. С. 377–383) и способствовала его переводу на русский язык (см. предыдущее прим.).

¹² Даты жизни приводятся по изданию: Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 = International biographical dictionary of Central European emigrés 1933–1945 / Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte München und von der Research Foundation for Jewish Immigration, New York, unter der Gesamtleitung von Werner Röder und Herbert A. Strauss. München; New York; London, 1983. Vol. 2. P. I. S. 146–147.

¹³ Первая известная нам публикация — выполненный Браунером перевод рассказа «Скрипка Ротшильда», опубликованный в венской социал-демократической «Arbeiter-Zeitung» (1895. № 228. 21. August. S. 4–5; № 229. 22. August. S. 4–5).

1898 годах на историко-филологическом факультете Петербургского университета¹⁴ и пытавшемся, кроме того, получить музыкальное образование в Консерватории (по классу виолончели). Владимир Венгеров интересовался современной философией (переводил труды Куно Фишера), увлекался Достоевским, был внимательным читателем Ницше¹⁵ и одновременно занимался литературным переводом.¹⁶ Знакомство Браунера с В. Венгеровым состоялось, по всей видимости, летом 1895 года, когда последний находился в Австро-Венгрии: в Мариенбаде (на лечении)¹⁷ и затем — в Вене. Суждения и вкусы Владимира стали для его венского друга своего рода «критерием». Об этом позволяет судить, в частности, следующий фрагмент из письма Браунера к Изабелле Венгеровой: «Брату Вашему, а моей высшей инстанции: Владимиру Афанасьевичу я что-то подарю на память — мы, вероятно, в этом году больше не увидимся, о чем я премного <так!> жалею. Но он должен мне сказать, достаточно ли декадентно стихотворение написано, декадентно в более высоком смысле; я, кажется, написал это под влиянием „Рабства любви“». ¹⁸ Далее Браунер просит своего друга — через И. А. Венгерову — прислать ему «собрание критики» о Надсоне:¹⁹ «...зимой я, вероятно, буду держать о нем реферат». ²⁰

Несколько иную окраску имели в то время отношения Браунера с И. Венгеровой; определяющую роль здесь играли, по-видимому, не только общие литературные интересы, но и личные симпатии. Приведем фрагмент из письма Браунера к З. Венгеровой от 11 июля 1896 года (из Вены), проникнутого тревогой за Беллу, а также упреками и сожалением в связи с тем, что венгеровская семья не уделяет ей, как это казалось Браунеру, должного внимания: «...оттого не сердитесь, если в моем прошлом письме было нечто о Вашей мамаше, что Вас, может быть, оскорбило. Лично я ничего не имею против Паулины Юльевны, за последнее время мы с ней даже в лучших отношениях. — Но она во всем виновата: виновата в том, что Белла не верит в себя, в том, что у нее расшатаны нервы, что у нее отравлена ежедневно жизнь, что она рада, когда не видит мать. <...>

Если бы Вы были здесь, то я бы Вам все это сказал — оттого я в прошлый раз Вам не много написал, хотя мне очень и очень не хотелось этого делать... Постоянно, когда мы с Беллой сходимся, у нас ведутся очень печальные разговоры, грустно потому, что во всей ее жизни нет почти ни одного светлого момента. <...> Но Вы же так любите Беллу (она Вас обожает) — и все-таки не спросите никогда серьезно, как ей живется? На каких правах я вмешиваюсь в Ваши интимные дела? Я с Беллой очень дружен, Вам это не безызвестно — это дает мне, кажется, право не напоминать Вам о Ваших обязанностях, нет! При наших настоящих с Вами отношениях я бы этого никогда не сделал. Но потому что я Беллин друг, я должен был Вам заявить о том, как обстоят дела.

¹⁴ Студенческое дело: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 29280.

¹⁵ В письме к И. А. Венгеровой от 8 мая 1896 года Владимир просит передать Браунеру «поклон и благодарность за книгу» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 12). Речь идет о книге Ницше «Götzendämmerung oder wie man mit dem Hammer philosophiert» («Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», 1889).

¹⁶ «Настоятельно прошу тебя прислать мне небольшую вещь для перевода, — писал Владимир Венгеров своей сестре Изабелле 29 сентября 1895 года. — Попроси Браунера» (Там же. Л. 8 об.).

¹⁷ В. А. Венгеров страдал ожирением и, кроме того, — личностным расстройством, нараставшим с течением времени. Последние два года жизни (1898–1900) он провел в петербургском Доме призрения душевнобольных (в Удельной), где и умер. Сохранилась история его болезни (ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 2880).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 2 (письмо от 25 августа 1895 года). «Рабство любви» («С усилением тяжким и бесплодным...») — первоначальное название стихотворения Мережковского (впервые: Северный вестник. 1895. № 7. С. 166; в дальнейшем публиковалось под названием «Проклятие любви»).

¹⁹ Имеется в виду: С. Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб., 1887. В письме к Изабелле Венгеровой Владимир сообщает 29 сентября 1895 года, что послал Браунеру «Добролюбова и книжку о Надсоне» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 7; упоминается, наряду с книгой о Надсоне, первый стихотворный сборник А. М. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» (СПб., 1895), получивший резонанс в символистском кругу).

²⁰ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 2 об.

И заявил я это только теперь, когда думаю, что больше не могу с нею справиться. Мне кажется, что после всего, что она за последнее время пережила,²¹ она должна пережить большую радость: а это было <бы>, если бы Вы теперь сюда приехали, либо же она к Вам. И только оттого, что я знал, что Вы хотите летом приехать в Вену, я решился просить Вас, если возможно, сейчас же приехать. <...>

Теперь Белла немного успокоилась: я употребил на это все мое красноречие, при-водил все доказательства из моей жизни. Но мы видимся летом всего раз в неделю — пока мы встретимся, у нее снова душа ныть начнет. Да наконец, что могут помочь слова, когда тоска одолевает! Она сама знает, что не права — но ей все-таки счастья хочется, сейчас же... Боже ты мой, Вы ведь это знать должны! И нигде ни одного человека, с которым можно, не стыдясь, говорить, иногда даже плакать... А кто ей близок? Мать ли, которая на две человеческие жизни старше ее и которая, если бы даже хотела, не могла <бы> ее понять? Может быть, М-me Flachs, которая кичится своим превосходством и протезирует²² „глупую“ девочку с ее „глупыми“ <?> требованиями от жизни? Либо Вы, которая за целый год, кажется, всего раз, мимоходом, спросили, что происходит в ее внутреннем мире?.. А о себе Вы ей что-нибудь сказали? Прошу Вас тысячу раз извинения. Вам, вероятно, больно от моих „грубостей“. Но разве Вы думаете, что мне легко Вам писать об этом, разве Вы думаете, что мне весело смотреть на нее и видеть в ней подтверждение моего горького одиночества... Вот видите, даже я пускаюсь на интимничания!

Кажется, теперь я довольно ясно выразился?! Делайте, что хотите: я Вам не закон. Но я Вам должен был сказать все это, потому что Вы имеете на это право и должны это знать: у Вас всего *одна* Белла!»²³

Романическая подоплека этого письма очевидна, и можно предположить, что именно глубокое чувство Изабеллы к Ван-Юнгу (и, соответственно, ее нежелание ответить Браунеру взаимностью) определило дальнейшее развитие событий: Браунер сближается со студенткой венского университета Кларой Элиасберг (1875–1940), родом из Минска (как и все Венгеровы),²⁴ приятельницей Изабеллы, и эта связь оборачивается в конце концов законным браком, состоявшимся летом 1897 года.²⁵ А в мае 1898 года на свет появляется Лео — сын Алекса и Клары, в будущем известный ботаник (умер в Мюнхене 1 января 1974 года).²⁶

Дружеские отношения четы Браунер с Изабеллой Венгеровой со временем осложняются. «С Браунерами веду переписку доброжелательную, но не слишком сердечную, — признается Изабелла в письме к З. А. Венгеровой 28 ноября 1898 года, — она прислала мне свою карточку с ребенком, выглядит очень постаревшей и истомленной. Она переводит, ходит в университет и очень счастлива. У меня как-то странно оборвалось чувство к ней, и я совсем не могу восстановить прежнюю потребность искренности и откровенности с нею».²⁷ Отношения Изабеллы с Браунерами постепенно сходят на нет. «...Через 2 недели придется опять возиться с новой квартирой, — пишет она Зинаиде 14 июня 1899 года. — Клара уезжает, а мои отношения с Бр<аунером> таковы, что мы без раздражения даже видеть друг друга не можем».²⁸ О длительной обиде Кла-

²¹ Подразумевается, видимо, кризис в отношениях Беллы с Лео Ван-Юнгом.

²² Имеется в виду: протезирует, покровительствует.

²³ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 510. Л. 1–4.

²⁴ Братом Клары был А. С. Элиасберг (1878–1924), известный впоследствии переводчик русских и еврейских авторов на немецкий язык, составитель антологий, знаток современного искусства и др.

²⁵ Сведения заимствованы из статьи Алексея Тащинского, опубликованной в интернет-издании «Germersheimer Übersetzerlexikon» (<http://www.uelex.de>). Благодарим автора, познакомившего нас с рукописью своей работы. О браке А. Браунера см. также его письмо к Сологубу от 25 октября 1897 года (п. 7).

²⁶ На его рождение Сологуб откликнулся стихотворением «Льву Александровичу Браунеру» (см. Приложение, прим. 2 к п. 13).

²⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 517. Л. 21 об.

²⁸ Там же. Л. 41. Однако в письме, отправленном на другой день из Берлина, Зинаида просит сестру передать «привет Браунерам» (Там же. Ед. хр. 1049. Л. 82 об.).

ры Браунер на Изабеллу Венгерову свидетельствуют также и письма А. Кауфмана (см. прим. 6), содержащие целый ряд упоминаний о венских знакомых (Браунерах, Л. Флакс и др.).

* * *

Поворотным в литературной судьбе Александра Браунера оказался 1895 год. Весной этого года в Вене (проездом) побывала Л. Я. Гуревич, издательница «Северного вестника». Отдыхая в тот сезон «на Ривьере», она возобновила свою дружбу с Н. Минским, а также, по ее собственному признанию, сблизилась с приехавшей из России З. А. Венгеровой. «В воспоминаниях иного типа, более пространных и более интимных, — писала позднее Гуревич, — я могла бы восстановить из наших тогдашних бесед многое, весьма характерное для психологии того времени, — психологии, из которой вырастала молодая литература».²⁹

На обратном пути в Россию Л. Гуревич задержалась в Вене. Здесь она встретила с Изабеллой Венгеровой, заранее предупрежденной о ее приезде. «Сестре в Вену я написала о Вашем приезде, — информировала З. Венгерова Л. Гуревич 25 января 1895 года, — и она будет очень рада быть Вашим гидом».³⁰ Трудно усомниться в том, что именно Изабелла Венгерова познакомила Л. Гуревич с Браунером.

Ясно можно представить себе, о чем дискутировали Любовь Гуревич и русские венцы в марте–апреле 1895 года: конечно же, о русской и западноевропейской литературе, о символистах, группировавшихся вокруг «Северного вестника», о программе журнала, направленной на пропаганду «современных» ценностей, о Бальмонте и Минском, Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус и, не в последнюю очередь, — о Федоре Сологубе, который начиная с 1892 года публиковал в этом журнале свои стихи и прозу,³¹ а начиная с № 5 за 1895 год — роман «Тяжелые сны». Все эти имена и события живо обсуждались в кругу Изабеллы Венгеровой и Луизы Флакс, достаточно осведомленными в том, что касалось русской литературной жизни. «Госпожа Гуревич принесла с собой не слишком много интересного, — разочарованно сообщала Л. Флакс З. Венгеровой 15 апреля 1895 года. — Она произвела весьма симпатичное впечатление: нормальная русская, обладающая спокойным темпераментом».³²

Однако для Браунера визит Л. Гуревич имел немаловажные последствия. Сведений о их личных встречах обнаружить не удалось, тем не менее очевидно, что они познакомились друг с другом именно в те недели. Поговорив с Браунером и, видимо, приняв во внимание благоприятные отзывы о нем от общих друзей и знакомых, Любовь Гуревич пригласила его к сотрудничеству в «Северном вестнике», а Браунер, со своей стороны, сразу же предложил Гуревич статью о только что умершем немецком прозаике и драматурге Густаве Фрейтаге, виднейшем «реалисте» в немецкой литературе второй половины XIX века. Эта критическая статья, появившаяся в июньской книжке «Северного вестника» (с пометой «Вена, май 1895»), вполне могла обратить на себя внимание читателей: молодой и никому не известный венский автор пытался свергнуть с пьедестала признанного и воистину крупного немецкого писателя.

«Он был представителем довольных, сытых, людей без душевных сомнений, — писал Браунер о Фрейтаге. — Нигде вы не найдете у него разрешения какого-нибудь сомнения — все у него нормально. <...> Он — выразитель немецкой посредственности, представитель своего, уже отходящего в историю времени.

²⁹ Гуревич Л. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910. С. 152.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19841. Л. 1 об.

³¹ Сологуб дебютировал в «Северном вестнике» в февральской книжке за 1892 год (стихотворением «Вечер», подпись: Ф. Т<етерников>); постоянным сотрудником журнала он становится в 1893 году — вскоре после перевода по службе в Петербург.

³² ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 701. Л. 6 (в оригинале на немецком языке).

Наши отцы им еще до сих пор восхищаются — но это только показывает, как мало общего имеют дети современной Германии со своими отцами».³³

Русскому читателю было ясно: автор выступает от лица молодого литературного поколения, отвергающего вкусы «отцов» и, в частности, — творчество писателя, у которого «все нормально». Действительно: Браунер заявлял о себе как носителе «современного» мироощущения, преодолевающим «неглубокую буржуазную мораль»³⁴ и тяготеющим к «новым» художественным формам.

Другим событием весны 1895 года, заметно всколыхнувшим кружок «младовенцев», оказался приезд в австрийскую столицу писательницы Лу Андреас-Саломе. Легендарная подруга Ницше и автор первой книги о нем, появившейся как раз в Вене (1894), хорошо известная читающей немецкой публике своими резонансными выступлениями на страницах передового берлинского журнала «Freie Bühne» («Свободная сцена»), Лу Саломе легко вошла в венскую литературную среду. Прибыв в австрийскую столицу (вместе со своей приятельницей, писательницей Фридой фон Бюло) прямо из Петербурга, она быстро завязала знакомство с престарелой Марией фон Эбнер-Эшенбах и феминисткой Марией Ланг и, как свидетельствуют современники, легко подчинилась своему влиянию завсегдатаев кафе «Гринштайдль», где бывала чуть ли не ежедневно.³⁵ Неопубликованный дневник Андреас-Саломе, в котором она фиксировала основные события минувшего дня, позволяет проследить ее венские знакомства 1895 года: Альтенберг, Бер-Гофман, Гуго фон Гофмансталь, Феликс Зальтен, Шницлер... Мелькает в этом ряду и имя Лео Ван-Юнга (без упоминания о Изабелле Венгеровой). Тогда же, весной 1895 года, происходит ее судьбоносное знакомство с «Земеком».³⁶

Среди новых венских знакомых Лу оказался и Алекс Браунер, целиком подпавший, подобно другим венцам, под обаяние Лу. Когда именно состоялось их личное знакомство, не вполне ясно — возможно, в один из ее последующих приездов в Вену. «Ежедневник» Андреас-Саломе запечатлел их венскую встречу от 29 декабря 1895 года: «Вечером у меня был Браунер и сидел до поздней ночи».³⁷

О чем — предположительно! — беседовали в тот вечер Алекс Браунер и Лу Саломе? Думается, что известную писательницу, находившуюся тогда в самой гуще берлинской литературной жизни и лично знакомую со многими «знаменитостями», не мог не заинтересовать ее собеседник, хорошо информированный о последних событиях в области немецкой поэзии, прозы и критики. Браунер же, со своей стороны, рассказывал о «Северном вестнике» и, возможно, показывал Андреас-Саломе свежие выпуски журнала, в которых только что (в ноябрьской и декабрьской книжках) появилась его вторая и более пространная статья «Современная „Молодая Германия“», написанная в августе–сентябре 1895 года, и завершалась публикация сологубовского романа «Тяжелые сны». Можно предположить, что именно в венских беседах с Браунером и зародился интерес Л. Андреас-Саломе к «Северному вестнику», обернувшийся для нее в ближайшие годы тесным и плодотворным сотрудничеством с этим журналом.³⁸

³³ Браунер А. Густав Фрейтаг (1816–1895) // Северный вестник. 1895. № 6. С. 93.

³⁴ Там же. С. 92.

³⁵ «Госпожа Лу все еще в Вене, — писал Р. Бер-Гофман Г. фон Гофмансталь 22 мая 1895 года, — и ежедневно проводит с нами по многу часов. Похоже, что она очень полюбила нас, т. е. Артура (Шницлера. — К. А.) и Вас, и меня, и я думаю, что мы нечто означаем в ее жизни или сделались для нее символом чего-то такого, о чем сами не можем знать» (Hofmannstahl H. von, Beer-Hofmann R. Briefwechsel. Frankfurt a/M., 1972. S. 49).

³⁶ Венский врач Фридрих Пинелес (1868–1936), возлюбленный и многолетний друг Лу.

³⁷ Приводится по копии, предоставленной Т. Шмидтом (Марбах). Оригиналы хранятся у г-жи Д. Пфайфер (Геттинген).

³⁸ См. подробно: Азадовский К. «Россия была главным событием...» // Азадовский К. Рильке и Россия. Статьи и публикации. М., 2011. С. 12–18.

* * *

Статья «Современная „Молодая Германия“» — вторая статья Браунера в «Северном вестнике» (ее можно назвать обзорной) — была задумана как попытка осветить литературную жизнь Германии и Австрии в переходный период: от натурализма к сменившим его новым течениям (импрессионизму, символизму, неоромантизму). Насыщенная именами, в основном не знакомыми для русских читателей, статья Браунера написана в свободной, эссеистической манере; автор не только информирует, но и обобщает, судит, оценивает. Осведомленный и начитанный автор, поставивший своей задачей ознакомить русскую публику с «Молодой Германией» и «Молодой Австрией», пытается — через множество литературных имен и событий — разглядеть и обозначить характерные тенденции последнего десятилетия.

Первая и большая часть статьи посвящена характеристике представителей раннего немецкого натурализма, вступивших на литературную сцену во второй половине 1880-х годов. Вскользь коснувшись таких признанных мастеров-«реалистов», как Густав Фрейтаг или Фридрих Шпильгаген (и при этом ни словом не обмолвившись о Теодоре Фонтане), Браунер задерживает внимание на предшественниках «новой» литературы; к таковым, по его мнению, относятся четыре писателя: М. Г. Конрад, Карл Блейбтрой, Конрад Альберти и Герман Конради. «...Как все пионеры нового дела, с их недостаточными средствами, они указали другим, по какой дороге идти, чтобы освободиться от оков старых предрассудков».³⁹

Освобождение от «оков предрассудков» наступило в эпоху натурализма. Упомянув о мало известных в России Карле Генкеле, Бруно Вилле и др., Браунер останавливается на таких (крупнейших, по его мнению) представителях «берлинской школы натурализма», как Арно Гольц, Иоганнес Шлаф и, разумеется, Герхарт Гауптман. Немало внимания уделено и тем, кто якобы «следует по стопам» Гауптмана: драматург Макс Гальбе, Георг Гиршфельд и Эрнст Розмер (псевдоним писательницы Эльзы Бернштейн). Подробно представлен и Герман Зудерман, «самый популярный немецкий писатель наших дней» (№ 12. С. 269).

Браунер не обошел молчанием и молодую немецкую поэзию. Крупнейший лирический талант Германии, по его мнению, — Детлев фон Лилиенкрон, достигающий в своих стихах подлинного совершенства; он походит на Гете «по силе своих образов, картин, по красоте формы» (№ 12. С. 267). Другой современный поэт, «ученик» Лилиенкрона, о котором упоминает Браунер, — Рихард Демель. (О Стефане Георге и кружке георгианцев вообще не упоминается.)

Последние страницы своей обзорной статьи Браунер посвятил «Молодой Австрии», чье отличие от тяготеющей к «интернационализму» «Молодой Германии» он усматривает в региональной специфике, «австрийскости» или «венской ноте», якобы характерной для национальной литературы Австрии в целом. «...Нигде не чувствуется так специфический дух страны, как в книгах австрийских поэтов» (№ 12. С. 273). «Молодая Австрия», сообщает Браунер, — это «кучка молодых людей, живущих в Вене: они знают друг друга, читают друг другу свои вещи, хвалят друг друга и рады, когда кто-нибудь из них имеет успех. Но их успех ограничивается маленьким кругом, широкой популярностью почти никто из них не пользуется» (Там же). Браунер называет их имена, в то время новые для русского слуха: Л. фон Андриан, Г. Бар, Р. Бер-Гофман и А. Шницлер. При этом серьезное литературное значение Браунер признает лишь за одним Г. Баром, вдохновителем «Молодой Австрии», которому посвящено несколько страниц. При этом Браунер отнюдь не возвеличивает Бара-писателя — скорее наоборот: отдельные пассажи наводят на мысль о том, что автор стремится его развенчать или, во всяком случае, умалить его роль и значение.

«Бар постоянно ищет чего-то — это его лучшая черта, — пишет Браунер, — но он сделал из этого спорт, он играет этим, как какой-нибудь глупый тщеславный актер „играет“ Гамлета: ни тот, ни другой не интересуется ролью, важнее всего для них

³⁹ Браунер А. Современная «Молодая Германия» // Северный вестник. 1895. № 11. С. 264–265 (далее ссылки на эту работу приводятся в тексте, с указанием номера журнала и страницы).

обратить на себя внимание публики». Браунер упрекает Бара в аморализме, развращении молодого поколения и дискредитации того нового направления, которое он сам же обосновал и поддерживал. «Серьезно он (Бар. — К. А.) ни к чему не относится и всего касается поверхностно. <...> Честного прямого убеждения ни в какой из книг Бара нельзя встретить. Оттого у него нет ни одной хорошей книги» (№ 12. С. 274).

Прочие «младовенцы», в отличие от Бара, представлены в статье Браунера весьма скупо. «Талант Шницлера не отличается многосторонностью, — снисходительно замечает Браунер, — но тем не менее он не требует от своего искусства больше, чем оно в состоянии ему дать <...> Но его талант милый, простой соединяется с истинной интеллигентностью, с юмором, с несколько сатирической жилкой. Таковы все его вещи. <...> Шницлер не принадлежит к новаторам литературы, в нем нет ничего, что бы могло понравиться толпе: он художник, выражающий стремления и желания маленького общества артистов, с глубокой душой и впечатлительным разумом» (№ 12. С. 276).

Излишне говорить, сколь глубоко заблуждался Браунер. Пройдет всего несколько лет, и проза Шницлера, не говоря уже о его драматургии, уверенно завоеует читательские симпатии в Австрии, России и других странах; при этом именно Шницлер окажется в глазах широкой публики наиболее характерным выразителем «венской души». ⁴⁰ Не слишком привлекательно выглядит под пером Браунера и «никому не известный» Рихард Бер-Гофман, опубликовавший к тому времени лишь две новеллы («Das Kind» и «Camelias»). Первую из этих вещей Браунер сочувственно называет «венской песней, в каждой строке которой чувствуется страсть жизни...» (№ 12. С. 276). Однако подлинное значение Бер-Гофмана, блестящего мастера немецкой прозы XX века, автора знаменитой драмы «Смерть Георга» (1898–1899), Браунер также не сумел предугадать.

Единственный писатель «Молодой Австрии», которого Браунер принимает без оговорок, — это Лорис (псевдоним Гуго фон Гофманстала в юности). «Мне нравится, — пишет Браунер, — только один писатель из всей венской школы: Лорис <...> — он уже готовый поэт. Ни одна литература не обладала таким зрелым талантом в таком чуть ли не детском возрасте <...> Его стихи, за малыми исключениями — я не сравниваю их, конечно, с иногда гениальными произведениями Лилиенкрона — лучшие стихотворения Молодой Германии и Австрии как по форме, так и по содержанию, как по красоте, так и по глубине смысла. Его драматические этюды производят впечатление зрелых произведений истинного поэта»; далее Браунер с восхищением пересказывает содержание одноактного драматического (в стихах) этюда «Gestern», написанного Гофмансталем в 18 лет: ⁴¹ «...сколько красоты в этих легких стихах, сколько смысла, сколько настроения: что вчера было, того не забудешь; все напоминает тебе об этом: каждое слово, каждый взгляд, каждое движение; мы стали одним целым с нашим „вчера“, оно преследует нас, оно никогда больше не оставит нас... Это поэзия чувств, только чувств» (№ 12. С. 277). ⁴²

Статья Браунера заметно выделяется в его относительно скромном творческом наследии; это его единственное крупное выступление в русской печати, не утратившее

⁴⁰ «В России Шницлера неизменно называют „поэтом Вены“, — подчеркивает А. И. Жеребин, — поэтотом, сердце которого „вырезано из сердца Вены“. <...> „Венство“ — неотъемлемая черта всех произведений Шницлера...» (Жеребин А. И. Новеллистика Артура Шницлера в России // Типология жанров и литературный процесс. Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 38–39).

⁴¹ См. русский перевод в кн.: Гофмансталь Г. фон. Смерть Тициана. Драматический отрывок / Пер. О. Н. Чюминой. Вчера. Драматический этюд. Пер. Л. М. Василевского. М., [1907].

⁴² Обратив внимание на это место в статье Браунера, австрийская исследовательница Р.-М. Циглер полагает, что речь идет о переводе стихов Гофманстала, выполненном самим Браунером (т. е., в сущности, о первой публикации его стихов в русском переводе). См.: Ziegler R. «Severnyj vestnik» // Die Wiener Moderne in slawischen Periodika der Jahrhundertwende / Hrsg. von Stefan Simonek. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2006. S. 34 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext / Hrsg. von Leopold R. G. Decloedt, Stefan Simonek. Bd 10). В действительности Браунер в данном случае не столько переводит, сколько цитирует строки Гофманстала.

и до наших дней своей историко-литературной ценностью. Волею обстоятельств Браунер оказался первым, кто сообщил русской читающей публике о литературной группе «Молодая Вена», принципиально отличной от берлинской литературной сцены, где в начале 1890-х годов еще продолжал господствовать натурализм. Упомянув об «австрийской специфике», провозвестником которой в Австрии был Герман Бар, открыто призывавший к преодолению натурализма, Браунер — вольно или невольно — явственно обозначил в своей статье тот сложный процесс взаимодействия и противостояния двух мироощущений и двух «эстетик», который все более проявлялся в немецкой культуре последнего десятилетия XIX века.⁴³

Нельзя не отметить и другую заслугу Браунера, возвестившего со страниц «Северного вестника» о появлении талантливого австрийского поэта Гуго фон Гофманштала (ранее о Лорисе-Гофманстале в русских журналах не упоминалось).

Осенью 1895 года, когда статья Браунера уже находилась в печати, Л. Я. Гуревич, заинтересовавшись новыми для нее именами немецких поэтов, попросила его прислать в Петербург сборники стихов Лиленкрона и Гофманштала. Редакция «Северного вестника» явно предполагала сопроводить статью Браунера переводами из обоих поэтов (при этом Гуревич имела в виду привлечь к этой работе Мережковского и О. Н. Чюмину). Однако дальнейшая презентация «Молодой Вены» в «Северном вестнике» не состоялась, что выясняется из письма Браунера к Гуревич от 7 ноября 1895 года: «Все сочинения Detlev von Liliencron'a появились у Wilhelm Friedrichs Verlag in Leipzig»,⁴⁴ недавно „Ausgewählte Gedichte“⁴⁵ — вероятно, самое подходящее для Ваших целей.

Стихотворения Лориса отдельным изданием не выходили; появлялись иногда в различных журналах. Его лучшие стихи вообще не появлялись — я их читал в манускрипте: если можете немного ждать (ментально <так!> я очень занят!) — неделю, две — тогда я зайду к нему и вышлю Вам кое-что. Его драмы, короткие, появились в журналах, „Thor u<nd> Tod“ — самое зрелое из его вещей — в очень дорогом сборнике,⁴⁶ который я могу, впрочем, достать за полцены. Я попросил бы Вас предоставить мне выбор стихотворений этих поэтов: я их так превознес, что считаю себя за них ответственным. На будущей неделе я выслал бы Вам все нужное. Извините за нескромность, но мне кажется, что мой выбор был бы вернее. Позвольте Вас попросить о чем-то: не давайте Лориса Чюминой: она слишком много переводит и слишком мало имеет своего, чтобы попасть его индивидуальность <так!>. Если бы Мережковский перевел „Thor u<nd> Tod“, было бы чудно.⁴⁷

Недавно я перевел одно из последних стихотворений Лориса „Рождество“,⁴⁸ которое при сем прилагаю; буду очень рад, если оно Вам понравится».⁴⁹

Этот так и не появившийся в печати перевод (разумеется, весьма несовершенный) является, на наш взгляд, первой попыткой переложения стихов Гофманштала на русский язык. Приводим его текст полностью:

⁴³ О провоцирующей роли берлинского натурализма, способствовавшего в конечном итоге формированию модернистского «венского стиля», см. работы А. И. Жеребина, в частности его статью под характерным заголовком «Вена versus Берлин» (*Жеребин А. И. От Виланда до Кафки: Очерки по истории немецкой литературы*. СПб., 2012. С. 383–393). Следует в этой связи заметить, что «противостояние» Вены и Берлина, которое энергично постулировал Герман Бар, было скорее тенденцией; на личных отношениях или издательских возможностях венских авторов оно практически не сказывалось. Например, тот же Шницлер (позднее и Гофмансталь) широко публиковался в берлинских изданиях, его пьесы ставились на берлинской сцене и т. д.

⁴⁴ В лейпцигском издательстве Вильгельма Фридриха (*нем.*).

⁴⁵ Избранные стихотворения (*нем.*).

⁴⁶ «Глупец и смерть» («Der Thor und der Tod») — одноактная «лирическая драма» в стихах Г. фон Гофманштала (1893), впервые опубликованная в 1894 году под псевдонимом Лорис в мюнхенском ежегоднике «Moderner Musen-Almanach... Ein Sammelbuch deutscher Kunst» (издатель — О. Ю. Вирбаум).

⁴⁷ Перевод не состоялся.

⁴⁸ Немецкое название этого стихотворения — «Weihnacht» (1895).

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 3–3 об.

РОЖДЕСТВО

Рождественский звон
И ночная пора...
Кто знает сегодня,
Где колокола,
Где звуки прошедших времен?..

Живые звуки
Минувших дней,
С детской красотой:
И запах ветвей,
Ели зеленых ветвей.

Тяжелые губы
И кудри от сна...
Кто знает, откуда
Колокола
Чужие, сегодня, пришли?..

Минувшие дни
Быстро мимо идут.
Кто знает, иль муки,
Иль радость несут,
Майскую негу несут?⁵⁰

Сотрудничество Браунера с «Северным вестником» ограничивается, в сущности, 1895 годом, хотя Л. Гуревич была готова печатать его новые статьи или очерки. «С удовольствием исполню Ваше желание написать опять что-нибудь для „С<еверного> В<естника>“, — откликается Браунер на ее предложение 3 марта 1896 года. — Я выбрал следующую тему: „Две женщины (Лаура Маргольм,⁵¹ Лу Андреас-Саломе)“, что-то вроде параллели, где Маргольм я разберу как тип вырождающейся женщины, Саломе — как индивидуальность в высшей степени. Маргольм, конечно, пострадает. Напишите мне по возможности сейчас же, согласны ли Вы с этим, а также срок — без срока я, вероятно, никогда не окончу статьи. Через месяц я мог бы справиться, т. к. читал почти все, что обе написали. У Саломе знаю даже вещи, которые еще не печатались. <...> Размер статьи: приблизительно печатный лист».⁵²

Мы не знаем, что именно ответила Гуревич на это предложение, однако статья «Две женщины» в «Северном вестнике» не появилась (и, скорее всего, не была написана).

* * *

Итак, первым среди немецких поэтов был для Браунера в тот период, безусловно, Детлев фон Лилиенкрон; австрийским — Гуго фон Гофмансталь; русским же, насколько можно судить, — Федор Сологуб, о котором Браунер не раз слышал от Венгеровых и стихи которого читал в «Северном вестнике». При этом стихи Сологуба и стихи Гофмансталя явно корреспондируют в сознании Браунера, накладывая отпечаток и на его собственные поэтические опыты.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Лаура Мархольм (Мархольм-Хансон), урожд. Мор (Mohr; 1854–1928), немецкая писательница, публицистка и переводчица. Жена шведского писателя Олы Хансона (1860–1925). Писала главным образом о женской эмансипации, правовом положении женщины в современном обществе и т. п.

⁵² ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 7–8.

Любопытно в этом плане признание Браунера, сделанное им в письме к Изабелле Венгеровой 25 ноября 1895 года:

«Вчера и позавчера, — сообщает Браунер, — я был на минутку у Флаксов: мне кажется, что они чувствуют себя неловко по отношению ко мне: я там не был с тех пор, как мы вместе там были.

Я ей рассказал о В<eer>-Н<ofmann'e> и о Лорисе. Прочел ей одно старое стихотворение его: *Weihnachten*.⁵³ Ей очень понравилось. На другой день она спросила, не знаю ли еще одно стихотворение Лориса. Я не знал, конечно, но проделал штуку: прочел ей мое собственное стихотворение и сказал, что это Лориса. Она была восхищена: <...> Стихотворение совсем новое — в субботу после обеда — ½ 5 в бюро написано:

Und wenn das Glück, auf das ich warte —
So lange warte, — doch nicht kommt?!..
Wie werd ich's tragen, dieses harte
Geschick, wenn mir mein Glück nicht kommt?!⁵⁴ <...>

Как Вам нравится? Не правда ли красиво?

Я прочту когда-нибудь немцам и скажу, что только перевел с русского. Наверное, скажут, что сильный поэт; скажу, что это Сологуба».⁵⁵

Воодушевленный своими первыми успехами на литературном поприще, Браунер пробует свои силы и в переводе русских авторов; этому в немалой степени способствуют издательские возможности, в то время наметившиеся для него в Вене. «Есть ли у Вас, Сологуба, либо же у Гиппиус какая-нибудь очень короткая вещь? — спрашивает он Л. Гуревич 24 декабря 1895 года. — Бар просил меня дать ему что-нибудь новое русское для его „Die Zeit“».⁵⁶ Важно добавить, что именно в этот момент Браунер знакомится с первыми книгами Сологуба, изданными в Петербурге на рубеже 1895–1896 годов («Стихи. Книга первая» и «Тени. Рассказы и стихи»), — из них переводчик выбирает созвучные ему произведения. И наконец, как один из авторов «Северного вестника» Браунер не мог, естественно, пройти мимо романа «Тяжелые сны», печатавшегося в этом журнале во втором полугодии 1895 года.

Испросив у Сологуба разрешения на перевод (см. Приложение, п. 1), Браунер приступает к делу. Хронологически первым его переводом из Сологуба следует считать стихотворение «Утро» («Мутное утро грозит мне в окно...», 1890);⁵⁷ вторым — рассказ «Тени» (1893), впервые появившийся в «Северном вестнике» (1894. № 2). Оба эти произведения Сологуба, переведенные Браунером, увидели свет в сборнике «Russische Novellen», выпущенном весной 1896 года в лейпцигском издательстве Германа Цигера.⁵⁸ Открывавшийся стихотворением Сологуба «Утро», сборник от начала и до конца был составлен Браунером; он же был и переводчиком всех вошедших в него рассказов, а также автором короткого предисловия, в котором речь шла и о Сологубе. Подбор авторов может вызвать удивление: крупные и уже известные в Германии писатели (И. Тургенев, А. Чехов) оказались под одной обложкой с писателями куда менее крупными (Л. Гуревич, П. Сергеев) и автором, совершенно новым

⁵³ Рождество (нем.). См. прим. 48.

⁵⁴ Приводим дословный перевод: «А если счастье, которого жду, — жду так долго — все равно не придет? — как мне вынести эту горькую участь, если ко мне так и не придет счастье?!» (нем.).

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 3–4.

⁵⁶ Там же. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 6 об. В 1894–1901 годах Г. Бар был одним из соиздателей этого венского еженедельника.

⁵⁷ Стихотворение было опубликовано в первом поэтическом сборнике Сологуба (Стихи. Книга первая. СПб., 1896. С. 42), которым, видимо, и пользовался переводчик.

⁵⁸ Экземпляр сохранился в библиотеке Сологуба (ныне — в библиотеке Пушкинского Дома). См.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 467. На титульном листе — надпись неизвестного лица: «Ф. К. Саллогубу» <sic!>.

для Германии: Федор Сологуб. Книгу завершал рассказ никому не известного (ни в Германии, ни в России) Александра Мара.⁵⁹

Подчеркнем: это была первая публикация Сологуба в германоязычной печати — задолго до перевода его произведений на французский, английский и другие языки.

В своем предисловии Браунер объясняет, почему он включил в свою книгу именно этих авторов, а не других, которых можно признать «состоявшимися» (*bewährte*) талантами. «Причина в том, — пишет Браунер, — что все уже „состоявшееся“ казалось мне недостаточно характерным и часто — недостаточно русским. А я хотел передать специфически русское».⁶⁰ В чем же заключается для Браунера «русская специфика»? Оказывается, в унынии, меланхолии и печали — именно эти настроения, заявляет Браунер, пронизывают избранные им произведения. И если бы кто-нибудь задал вопрос, продолжаят он свое рассуждение, «почему столь одаренные художники предпочитают изображать ночные стороны жизни и даже в шампанское подмешивают капли вермута», то этот вопрос означал бы, что они не знают России. Тоска и бесконечная усталость — таково, по Браунеру, современное «русское» настроение. «Несмотря на то, что мы кажемся молодыми, мы все так устали, так бесконечно устали... песенка спета» (S. III). Однако объяснить причины этого настроения Браунер, по его собственному признанию, не в состоянии.

А о «Тенях» Сологуба, «самого одаренного из всех современных русских писателей», Браунер заметил, что «уже в этом небольшом произведении (*litterarische Kleinigkeit*)» чувствуется большой художник и мастер (S. IV–V).

На лейпцигское издание появилось вскоре несколько откликов. В авторитетном немецком журнале «*Die Gesellschaft*», стремившемся пропагандировать «Молодую Германию»,⁶¹ выступил молодой А. Мёллер ван ден Брук, в то время — начинающий публицист, снискавший себе позднее сомнительную известность как «провозвестник» национал-социализма. С юности свойственный Мёллеру ван ден Бруку интерес к России и русской литературе побудил его, вероятно, отозваться на эту книгу. И что любопытно: из шести авторов, представленных в сборнике Браунера, рецензент отметил прежде всего Сологуба: «Книга представляет собой сборник, — сказано в его отзыве, — в котором, помимо весьма скромной новеллы Тургенева 1864 года, с тех пор ни разу не переводившейся,⁶² помещены еще пятеро молодых авторов. Наиболее значительным из них представляется мне Федор Сологуб: он прежде всего — самый современный (*der modernste*)! Стоит прочесть одну-единственную страницу, им написанную, и сразу понимаешь: его творчество принадлежит молодому психологическому этапу. И в этом он — мастер. Никто из четырех других авторов не обладает той остротой, на которую способен его взгляд, постигающий тайные движения души! Самое сокровенное для него недостаточно сокровенно. Даже в отдаленном он умеет высказать какую-то сторону, чтобы соотнести ее с тем, что находится рядом и, по-видимому, является важным. Вот почему от его внимания не ускользает ни одна деталь, ценная в психическом отношении, а он все строит и строит, пока человеческая судьба, которую он желает развернуть перед нами, не предстает в своем окончательном виде — безупречная, цельная. При этом он — по крайней мере в опубликованной здесь повести „Тени“ — предлагает изысканно редкую проблему. Не могу вспомнить, чтобы где-нибудь в какой-либо литературе мне встретился хотя бы близкий сюжет. Во всяком случае, в подобной манере! Излишне доказывать, что Сологуб — мастер литературного стиля; для меня как бы само собой разумеется, что для каждого обнаруженного им душевного поворота он находит верное выражение, соответствующее тому особому бытию, которое он наблюдает».⁶³

⁵⁹ За этим псевдонимом скрывался сам Браунер (см. далее).

⁶⁰ *Russische Novellen*. Leipzig: Verlag von Hermann Zieger, [1896]. S. III. Далее ссылки на предисловие Браунера приводятся в тексте (с указанием номера страницы).

⁶¹ Именно этому журналу Браунер пытался летом 1897 года предложить свою статью, посвященную Сологубу (см. Приложение, прим. 2 к п. 5). Публикация не состоялась.

⁶² Имеется в виду рассказ Тургенева «Довольно (Отрывок из записок умершего художника)».

⁶³ *Die Gesellschaft*. 1896. Drittes Quartal. August. S. 1096. Подпись: Moeller van Bruck.

Другой отклик прозвучал в конце 1896 года со страниц нового венского журнала «Wiener Rundschau», редакция которого явно покровительствовала Браунеру. В самом первом номере журнала был опубликован (в переводе Браунера) рассказ Чехова «Ванька», а в критическом отделе содержалась рецензия на «Russische Novellen», посвященная, по сути, лишь одному Сологубу.

«В этом сборнике, — утверждал рецензент, укрывшийся за псевдонимом (женским именем) Ethel, — имеется чудесный этюд. Имя автора — Федор Сологуб, а сама вещь озаглавлена „Тени“. Описание того, как в результате мелких событий мать и сын постепенно и незаметно поддаются под темную власть безумия, — чудо деликатности и психологического мастерства».⁶⁴ Подробно изложив содержание «Теней», рецензент заключает: «Все остальные авторы, тщательно переведенные Александром Браунером, значительно уступают этому грандиозному мастеру. Даже такой большой художник, как Антон Чехов, предстает рядом с ним в потускневшем свете. Эти „Тени“ затмевают других».⁶⁵

Кому именно принадлежала эта анонимная рецензия, целиком посвященная одному Сологубу, выяснить не удалось. Однако ее содержание и тональность наводят на мысль, что она возникла не без помощи самого переводчика-составителя и, скорее всего, — в кругу его знакомых.

Краткая информация о лейпцигском издании появилась, кроме того, в еженедельнике «Die Zeit». Ее автор, подписавшийся М. М.,⁶⁶ отметил: «Из новых имен внимание привлекают П. Сергеевко, автор превосходного рассказа „Гриша“, и Федор Сологуб со своим этюдом „Тени“. Оба выбирают сходный сюжет: гибель ребенка. Герой Сологуба, разворачивающего свое повествование в психологически необычной манере, — нервный сверхчувствительный мальчик, почти беззащитный перед лицом жизни, поддающийся под мистическую, трусливую и пугающую власть Тени. <...> Сологуб предстает нам в этом этюде не как большой удивительный писатель, а всего лишь как смелый и чуткий экспериментатор, умеющий наблюдать и передавать странные и редкие состояния человеческой души».⁶⁷

Отдельно следует сказать о литературной мистификации Браунера, завершившего «Russische Novellen» небольшим и вполне «декадентским» рассказом собственного сочинения⁶⁸ под псевдонимом «Alexander Mar». Этот рассказ, воспевающий эротизм и чувственную природу, был посвящен Изабелле Венгеровой, и уже по этой причине избранный автором псевдоним не мог остаться тайной для круга его знакомых в Вене и в Петербурге. Впрочем, Венгеровы, живо обсуждая в своей переписке только что полученный сборник, весьма скептически оценили Браунера-критика, Браунера-составителя и Браунера-рассказчика.

«Зина <З. А. Венгерова>, кажется, не написала тебе своего мнения о рассказе Браунера, — писал Владимир Венгеров своей сестре в Вену. — Очевидно, что он странно понимает красоту — говорит все время об одной физической красоте. Что касается вообще „философии“ этой маленькой штуки, то я согласен с ним, что при отсутствии духовной красоты физическая дает право на существование, и, вообще, сочувствую вниманию, которое он уделяет физическим свойствам. Но, очевидно, широковетельный тон этой „философии“ может навести на мысль, что автор хочет отразить современность, но не понимает, что так не смотрят на красоту ни Ибсен, ни декаденты, и такой красоты *не может* проповедовать Ницше...».⁶⁹

⁶⁴ Wiener Rundschau. 1896. № 1. 15. November. S. 39–40.

⁶⁵ Там же. Вырезка с этой рецензией сохранилась в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 2) и была прислана ему З. А. Венгеровой, которая, в свою очередь, получила ее либо от Изабеллы, либо от Владимира. «Очень благодарен Вам за присланную вырезку из „Wiener Rundschau“, — писал Сологуб 24 ноября 1896 года Зинаиде Венгеровой, — и это очень лестно для меня — то, что там изображено; прошу Вас при случае передать мою благодарность тому, кто был так любезен, прислав для меня эту вырезку» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 683. Л. 1).

⁶⁶ Вероятно, Макс Мессер (см. о нем далее).

⁶⁷ Die Zeit. 1897. № 133. 17. April. S. 46 (раздел «Книги»).

⁶⁸ Название рассказа («Schönheitstoll») можно перевести на русский как «Одержимый красотой».

⁶⁹ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 11 об. Письмо от 8 мая 1896 года.

Еще более критично отозвался Владимир Венгеров о предисловии Браунера к «Russische Novellen», как и о составе сборника в целом. «Предисловие показывает, — писал он сестре (в том же письме), — что он не знает русской литературы, — неужели, напр<имер>, Успенский, Засодимский не „spezifische“⁷⁰ русские писатели? Предоставляю тебе самой проверить, что те писатели, которых он перевел, не „самые лучшие писатели после Тургенева“.⁷¹ Кроме того, Alexander Marr <так!> — не русский писатель. Наши⁷² считают это предисловие и рассказ Браунера нахальством; я же объясняю предисловие незнанием русской литературы и, кроме того, отсутствием критической способности — какая Люба Гуревич „seltene Frau“⁷³?»⁷⁴

Тем не менее попытка Браунера представить немецкой публике Федора Сологуба увенчалась относительным успехом: имя нового русского автора замелькало на страницах немецкоязычной печати.⁷⁵

Вслед за рассказом Чехова в первом номере «Wiener Rundschau» Браунер помещает (там же) свой перевод повести Сологуба «К звездам» (из сборника «Тени»). Публикация, растянувшаяся на три номера,⁷⁶ еще более упрочила имя Сологуба в кругу «младовенцев», внимательно следивших за тем, что появлялось в «Wiener Rundschau».

К этому времени Браунер уже завершил свой основной труд, которому отдал в 1896 году немало сил и времени: перевод романа «Тяжелые сны», выпущенного в начале 1897 года тем же лейпцигским издательством Цигера, где годом ранее были напечатаны «Russische Novellen». «На днях появляются „Тяжелые Сны“ в моем переводе, — писал Браунер Л. Гуревич 26 января 1897 года, — немцы уже начали о нем говорить, им интересоваться».⁷⁷ Роман вышел, по-видимому, в феврале. Один из первых полученных им экземпляров Браунер отправил автору в Петербург с надписью: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу от переводчика. Март 1897 г. Вена».⁷⁸

Естественно предположить, что решение перевести роман Сологуба возникло у Браунера еще в течение 1895 года, когда он читал его в «Северном вестнике». Роман произвел на него глубокое впечатление: он был ему созвучен, как и поэтическое творчество Сологуба той поры, своей особенной атмосферой и тональностью. «Я занялся Вашими произведениями, — признавался Браунер в одном из писем к Сологубу, — потому что нашел в них (в особенности в стихах и «Тяжелых Снах») то, чем давно томилась и моя душа...».⁷⁹

«Я собираюсь переводить „Тяжелые сны“, — сообщал Браунер Л. Гуревич 24 декабря 1895 года, — Сологуб не будет же ничего против этого иметь <...> мне кажется, что „Т<яжелые> сны“ — лучшее, — несмотря на свои громадные, впрочем, чисто русские недостатки, как неимоверные длинноты и абсолютное отсутствие писательской

⁷⁰ Специфические, характерные (нем.).

⁷¹ Приводятся слова из предисловия к «Russische Novellen».

⁷² То есть члены семьи Венгеровых.

⁷³ «Редкая женщина» (нем.). Этот эпитет применительно к Л. Гуревич Браунер употребил в своем предисловии (S. VI).

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 12.

⁷⁵ Укажем еще два отзыва на сб. «Russische Novellen», обнаруженные А. Тащинским (см. прим. 24). Первый из них — содержательная рецензия в венской «Arbeiter-Zeitung» (1896. № 259. 20. September. S. 5; подпись: K. L.). Положительно оценивая сборник в целом и в особенности — рассказ «Тени», анонимный рецензент характеризует предисловие Браунера как пошлую, «невероятно претенциозную и глупую болтовню» и безошибочно идентифицирует псевдоним «Александр Мар» как принадлежащий составителю сборника. Второй отзыв — короткая информационная заметка в венском журнале «Die Kaufmännische Zeitschrift» (1897. № 14, 15. Juli. S. 123; подпись: j. l.). Самым «увлекательным» автор называет рассказ П. Сергеевко, а самым «эмоциональным» («stimmungsvoll») — рассказ Л. Гуревич; о Сологубе вообще не упоминается.

⁷⁶ Ssologub F. Zu den Sternen // Wiener Rundschau. 1896. № 2. 1. Dezember. S. 50–56; № 3. 15. Dezember. S. 99–101; 1897. № 4. 1. Januar. S. 132–138.

⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 9 об.

⁷⁸ См.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 472.

⁷⁹ Письмо от 6 июля 1897 года из Граца. См. Приложение, п. 6.

техники и т. д. — что русские за последнее время написали. Как ничтожны все эти Боборыкины и Потапенки etc. подле подобного художника. В России, вероятно, вся эта критическая шваль набросится на роман и станет доказывать, что Сологуб, по крайней мере, „кликуча“, и не заметит только, что „Т<яжелые> сны“ должны были быть написаны, что они всего только выражение нашего времени, что Логин — абсолютно тип индивидуалиста fin de siècle... Я хотел бы только знать, сколько Вам пришлось бороться со всеми этими „имя которых свято и не должно быть произносимо“, пока Вы напечатали роман». ⁸⁰

Утверждая в письме к Л. Гуревич, что немцы «интересуются» романом «Тяжелые сны», ⁸¹ Браунер не преувеличивал. Публикации стихов и прозы Сологуба в немецкой периодике сразу же привлекли к себе внимание немецких читателей, учитывая тот повышенный интерес к русской литературе, который определял в то время духовную жизнь в Западной Европе. Да и сам роман «Тяжелые сны» с его «декадентским» уклоном (психологизм, исследование подсознательного и болезненного, пессимизм, имморализм, мистицизм и т. п.) естественно вписывался в современную модернистскую литературу Запада. По своей художественной ориентации Сологуб, несомненно, был декадентом западного образца; его творчество обнаруживает явную переключку с романами Ж. К. Гюисманса. ⁸² Не случайно современная русская критика обвиняла Сологуба в подражании «дурным французским и немецким образцам» и характеризовала «Тяжелые сны» не иначе, как «декадентский бред». ⁸³

Это чувство «родства» и «близости» русского писателя к исканиям западного модернизма вполне ощущалось немецкими читателями и критиками «Тяжелых снов». Так, венский литератор и журналист Макс Мессер (1875–1930), близкий к «Молодой Австрии» и в то время — сотрудник «Die Zeit», откликнулся на роман Сологуба подробной статьей, начинавшейся следующими словами: «Вот еще одно доказательство всевластия европейских настроений: общая склонность нашего времени к утонченности и нюансам, тяга к примирению внешнего и внутреннего мира с красотой и гармонией, стремление избранных людей (der höheren Menschen) освободиться от запутанности вещей и приблизиться к истине, преодолеть душевную дисгармонию и обрести счастье спокойного бытия и наслаждения — все это обнаруживается теперь и в России и находит выражение в художественных произведениях. Каким бы странным ни казалось такое представление, но в России — среди этого грубого, наивного, тупо покорного или страстного в своей воинственности народа — существуют как редкие исключения, никем не замеченные или гонимые, несколько человек, обладающих столь сложной душой, столь тонкой, чувствительной и страждущей, что кажется: они обитают в одном из западноевропейских центров декадентства. О них-то и повествует роман нового русского писателя Федора Сологуба „Тяжелые сны“, познакомьтесь с коим мы можем благодаря искусному переводу Александра Браунера. Роман демонстрирует нам двойную борьбу одного из таких людей: борьбу против лживого и глупого общества и внутреннюю его борьбу за освобождение от мук дисгармонии, за преодоление отвращения к жизни и тоски по ней, за обретение свободы и безмятежного покоя». ⁸⁴

Большая часть статьи Мессера — пересказ романа (с обильными цитатами), сопровождающийся выводами о литературной «современности» Сологуба и «русском» своеобразии его творчества. Приведем завершительный пассаж: «В той степени, в какой Логин, Нюта и Клавдия, герои романа, демонстрируют, наряду с их личной правдой, глубокую символику, в которой отражается двойственность России, болезнь ее наружной оболочки и здоровье, и сила, сокрытые в ее глубине, этот роман являет собой

⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 6–6 об. См. также: Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 12.

⁸¹ О том же Браунер упоминал и в письме к Сологубу 15 января 1897 года: «Вами очень интересуются» (см. п. 1).

⁸² См. об этом подробнее: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 157, 167, и др.

⁸³ Там же. С. 135.

⁸⁴ Messer M. Ein russischer Roman // Die Zeit. 1897. № 159. 16. Oktober. S. 41.

нечто большее, чем великолепное описание душевных состояний, свойственных особо чутким, непостижимым для глаза натурам эпохи *fin de siècle*, — это роман о самой сущности современной России (*Russentum*), коего внутреннюю сердцевину сумел постичь Федор Сологуб и передать ее в живых пластических символах. Тот, кто способен совершить такое, должен быть великим писателем».⁸⁵

Нам неизвестно, инспирировал ли эту статью сам Браунер, несомненно знакомый с Мессером,⁸⁶ и в какой степени личное их общение определило суждения Мессера о «сущности современной России».

Среди других и более поздних откликов на «Тяжелые сны» следует упомянуть статью молодого венского юриста Карла Федерна (1868–1943), впоследствии писателя и переводчика. Не случайно он начинает свою рецензию, помещенную в одной из главных венских газет, с примечания о том, что перевод Браунера «в целом превосходен, однако местами грешит языковыми ошибками, которые можно было бы легко избежать, если бы переводчик, родом из России, дал бы рукопись на просмотр какому-нибудь немцу; надо надеяться, что эти ошибки будут устранены во втором издании».⁸⁷

Подробно пересказав содержание романа, Федерн обратил внимание на его художественные достоинства. «В особенности восхищает меня, — сказано в его статье, — каким образом автор изобразил течение (*Verrinnen*) жизни, как естественно, без какой бы то ни было искусственной интриги, развивается действие, а калейдоскопическая чехарда и смена образов ведет, как и в действительности, к новой их расстановке и новой ситуации, незаметно порождая из себя самой, как и в действительности, всевозможные перипетии и катастрофы».⁸⁸

Внимание роману Сологуба уделил и еще один венский автор, в будущем известный писатель и историк австрийской литературы Отто Штёсль (1875–1936). В обзорной статье, появившейся в берлинском еженедельнике «*Die Gegenwart*» под названием «О новой русской литературе», Штёсль, обсуждая последние по времени переводы русских авторов на немецкий язык, решительно противопоставил два произведения: «Воскресение» Л. Н. Толстого и «Тяжелые сны» Сологуба.

«По своему миросозерцанию и мастерству автор (Сологуб. — К. А.) — антипод Толстого. Если у Толстого все — притча и целесообразность, тенденция и презрение к искусству, все написано во имя новой и святой жизни, проникнутой верой, — свободной и достойной христианина, то здесь — творческий дух, устремленный к законченному совершенству произведения, правда, не без философии и надежд на будущее (ни у одного из русских нельзя найти изображение жизненных обстоятельств, полностью лишенное умысла); он насквозь проникнут скептицизмом и свободомыслием, устремлен к какому-то загадочному и невероятному мистицизму, к страстному энтузиазму, который тянется в будущее...»⁸⁹ и т. д.

«Далеко не каждый год появляются два произведения такой красоты и силы, — завершает Штёсль свою статью, окрашенную характерным русофильством. — Можно лишь восхищаться величием народа, создающего две столь противоположные духовные личности (*Geister*). Оба выражают безграничную тоску и заставляют ненавидеть нынешнюю жизнь. Кажется, русский народ напрасно стремится одолеть гнетущую современность. И лишь писатели в своих мечтах и стремлениях способны изобразить для него еще очень далекое будущее. Но в этом огромном царстве таится множество сил, и лишь малая их часть проявляется в этих великих произведениях. Если они однажды обретут жизнь и явят единство, Европа вздрогнет от удивления. Надвигается новая судьба и новое движение народов».⁹⁰

Немецкий перевод «Тяжелых снов» не оказался незамеченным и в России. Так, Ф. Э. Шперк, приветствуя в своей рецензии лейпцигское издание, отметил при этом

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ См. Приложение, п. 6 и прим. 4 к нему.

⁸⁷ Neue Freie Presse. Morgenblatt. 1899. № 12568. 19. August. S. 1.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Stöbl O. Zur neuen russischen Literatur // Die Gegenwart. 1899. Bd 56. № 49. S. 375.

⁹⁰ Ibid. S. 276.

(Сологуб был его любимым писателем)⁹¹ несколько ошибок и неточностей, допущенных Браунером.⁹²

* * *

Сохранившиеся письма Браунера позволяют существенно уточнить историю «немецкого Сологуба» и рост его популярности в кругу «Молодой Австрии», а также роль Л. Андреас-Саломе как посредника между петербургскими и венскими литераторами.

В начале 1897 года Андреас-Саломе вновь собирается в Санкт-Петербург (куда регулярно наезжала, чтобы навестить свою мать, братьев и родственников). К предстоящей поездке Лу готовилась особенно тщательно. Она надеялась завязать ряд знакомств в столичном литературном мире, прежде всего — с редакцией дружественного «Северного вестника», на страницах которого появилась ее книга о Ницше (1896. № 3–5).

В Петербурге ее ожидали с не меньшим интересом. «Правда, что г-жа Саломе едет в Петербург? — спрашивала З. А. Венгерова свою сестру Изабеллу еще осенью 1896 года. — Если ты имеешь сношения с ней, попроси ее непременно повидаться со мной или зайти в „Сев<ерный> В<естник>“ — там мы ее все увидим. Здесь ею очень интересуются».⁹³

Знакомство с Браунером, состоявшим в переписке и с Сологубом, и с Зинаидой Венгеровой (переводчицей книги Андреас-Саломе о Ницше), и с Л. Гуревич оказалось в этой ситуации как нельзя более кстати. Браунер наверняка сообщил Андреас-Саломе (в письмах или устных беседах) все, что ему было известно о Сологубе, и указал на журнальные публикации и роман «Тяжелые сны» в своем переводе. Кроме того, в своих письмах к Сологубу в начале 1897 года Браунер рекомендует ему Андреас-Саломе и упоминает о ней в самых восторженных выражениях.⁹⁴

Знакомство действительно состоялось: Андреас-Саломе посетила Сологуба, причем не однажды, а дважды: 8 и 28 марта. А 9 марта, после их первой встречи, Сологуб и сам навестил ее (видимо, в гостинице на Садовой, где остановилась Лу).⁹⁵ Содержание их встреч неизвестно (впрочем, можно предположить, что Сологуб подарил ей одну из своих недавно изданных книг — «Стихи» или «Тени».

Помимо Сологуба, Андреас-Саломе познакомилась в этот приезд с Любовью Гуревич и, главное, — с Акимом Волинским, который произвел на нее глубокое впечатление. Быстро найдя общий язык с редакторами «Северного вестника», она договорилась о дальнейшем сотрудничестве. В конце 1897 и начале 1898 года журнал публикует — одну за другой — несколько статей Андреас-Саломе, посвященных современным немецким и австрийским писателям и писательницам.

18 мая 1897 года — уже после отъезда Лу Саломе из Петербурга — Л. Я. Гуревич сообщала в письме к Л. Н. Вилькиной: «Интересного было за последнее время только знакомство с Lou Andreas-Salomé, кот<орая> приезжала в Россию недели на 3, бывала у нас в ред<акции> очень часто и оказалась очень привлекательной, умной и тонкой женщиной».⁹⁶

Через несколько месяцев, летом 1897 года, Волинский приезжает к Андреас-Саломе в Вольфратсхаузен (под Мюнхеном), где проводит несколько недель в обсуждении сюжетов, злободневных для обоих (нигилизм, Лев Толстой, Ницше, современное

⁹¹ П. П. Перцов характеризует Шперка как «стрannого юношу <...> философа и критика, писавшего на непонятном ни для кого языке, поклонника стихов Сологуба (тогда почти никому не известных)» (см.: Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 261).

⁹² Новое время. 1897. 26 марта (7 апр.). № 7571. С. 3.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1049. Письмо от 4 сентября 1896 года.

⁹⁴ См. п. 3 и 4.

⁹⁵ См.: Федор Сологуб. Тетради посещений / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 51.

⁹⁶ Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич. С. 18.

декадентство). Кроме того, Волынский и Лу набрасывают небольшой прозаический этюд «Амор» (он появится за двумя фамилиями в октябрьском номере «Северного вестника» за 1897 год). Отголосок бесед с Волынским, которые она вела с ним в Баварии в июне 1897 года, явственно ощутим в нескольких статьях Андреас-Саломе того времени («Русская философия и семитский дух», «Лев Толстой, наш современник» и др.).

За время своего визита в Вольфратсхаузен Волынский познакомился с молодым другом Андреас-Саломе — поэтом Райнером Мария Рильке, который, без сомнения, участвовал в беседах, что велись (по-немецки) между Лу и ее петербургским гостем. Трудно сказать, как часто звучало в этих беседах имя Сологуба... Думается, оно все же упоминалось (и, возможно, не раз), тем более что перед собеседниками лежали последние книжки «Северного вестника». (Впрочем, сотрудничество Сологуба с этим журналом к тому времени — в силу ряда причин — фактически сходило на нет.)

Через много лет, вспоминая о выдающихся женщинах, встретившихся ему на жизненном пути, Волынский посвятит отдельную статью Андреас-Саломе. «Я прожил целое лето у нее в гостях на даче в баварских Альпах, — вспоминает Волынский, — дал ей сюжеты для некоторых работ по русской литературе и у нее же на даче набросал первые эскизные штрихи моего „Леонардо да Винчи“⁹⁷ <...> Там же я познакомился и с Райнер Мария Рильке, впоследствии столь прославившемся в новой немецкой литературе поэтом. С утонченного облика этого человека в стиле Пинтуриккио я и списал своего Юношу, опекаемого Старым Энтузиастом».⁹⁸

Уезжая в Россию, Волынский взял с собой текст одного из ранних рассказов Рильке («Все в одной»), который появится — в русском переводе С. Шпильберг — в октябрьском номере «Северного вестника» за 1897 год. Это была первая публикация Рильке в России (как и вообще первая публикация этого рассказа, напечатанного в России раньше, чем в Германии).

Не удивительно, что в 1899 году, принявшись за изучение русского языка, Рильке выбирает для учебного перевода рассказ Сологуба «Червяк», опубликованный в «Северном вестнике» (1896. № 5; впрочем, Рильке мог пользоваться и сборником «Тени»). В контексте нашего повествования этот выбор представляется вполне закономерным. Русский писатель, чье имя Рильке слышал и от своей приятельницы, и от Акима Волынского и которое неоднократно встречалось ему на страницах «Северного вестника», был ему к тому времени хорошо известен как один из ярких «новейших» русских авторов.

К сожалению, мы не можем ответить на вопрос: читал ли Рильке прозу или стихи Сологуба в переводе Браунера (о самом переводчике ему могла рассказывать Лу).

Сотрудничество Лу Саломе с Волынским завершилось, как известно, разрывом.⁹⁹ В мае–июне 1899 года (как и год спустя, летом 1900 года), оказавшись в Петербурге, ни Лу, ни Рильке не предпринимают никаких усилий к тому, чтобы встретиться с Волынским, да и вообще с кем-либо из круга «Северного вестника», включая Федора Сологуба. Впрочем, никакого «Северного вестника» к тому времени уже не существовало: журнал прекратился в конце 1898 года, и внимание Рильке целиком переносится на новый петербургский журнал — «Мир искусства».

Знакомство и соприкосновение Рильке с творчеством Сологуба не ограничивается попыткой перевести рассказ «Червяк». В 1919 году — по просьбе переводчицы Фегги Фриш (1873–1942), переложившей на немецкий язык драму Сологуба «Заложники жизни» (1912), Рильке переводит четыре стихотворных текста, использованные Сологубом (Алексея Толстого, Тютчева, Зинаиды Гиппиус и еще одну фольклорную «песен-

⁹⁷ Имеется в виду: Волынский А. В поисках за Леонардо да Винчи // Северный вестник. 1897. № 9–12; 1898. № 1–4; отд. изд.: СПб., [1899].

⁹⁸ Волынский А. Русские женщины / Предисловие, комм., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 273.

⁹⁹ О взаимоотношениях Волынского, Андреас-Саломе и Рильке подробнее см.: Asadowski K. Geschichte und Geheimnisse des «Alten Enthusiasten». Akim Wolynskij — Lou Andreas-Salomé — Rainer Maria Rilke // Korrespondenzen. Festschrift für Joachim W. Störck aus Anlass seines 75. Geburtstages / Hrsg. von Rudi Schwenkert in Zusammenarbeit mit Sabine Schmidt. St. Ingbert, 1999. S. 267–291.

ку»). Передала ли ему Фега Фриш и текст самой пьесы, неизвестно (перевод «Заложников жизни», выполненный Фегой Фриш, в печати не появился). Зато в 1922 году в Мюнхене вышел ее перевод сологубовского романа «Слаще яда», который украшала переведенная Рильке «песенка» (без указания имени переводчика).¹⁰⁰ Естественно предположить, что Рильке ознакомился с этим романом, содержащим несколько переведенных им строк.¹⁰¹

В 1922 году Рильке приобрел изданную в Берлине книгу «Портреты русских поэтов», составленную И. Г. Эренбургом. Эта небольшая книжка объединяла в себе стихи и краткие характеристики Ахматовой, Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой и других поэтов, в том числе — Сологуба, чей портрет выразительно набросал Эренбург. «А вот и сам Сологуб. Я не вижу ни пенсне, ни бородавки, но только очень приманчивые и очень пустые глаза. Он сидит в кресле, скрестив руки на животе, и кажется, что это не „маститый поэт“, как величают его репортеры, но великий Будда, остановивший движение всего, от часов в жилетном кармане до застывших вокруг мертвой земли таких же мертвых и таких же утомленных миров». Эренбург утверждал, что Сологуб «познал высшую тайну поэзии — музыку», что он «не знает страсти, но только сладострастие», что воздействие его стихов похоже на наркотик («будто не стихи читал, а выкурил трубку опиума»).¹⁰²

Интересно, вспоминал ли Рильке, если прочитал эти строки, те давние дискуссии о Сологубе, которые ему, возможно, доводилось слышать четверть века назад в венских или мюнхенских литературных кофейнях, отзывы лично знавших писателя Андреас-Саломе и Акима Волынского, свои переводы с русского, выполненные в 1919 году по просьбе Феги Фриш, а также свой собственный литературный дебют в «Северном вестнике»?

* * *

Энтузиазм Браунера как переводчика Сологуба и других русских авторов не ослабевает и в течение последующих двух-трех лет. Однако его усилия оказываются не столь эффективными, как в 1895–1896 годах. В январе 1897 года он еще раз обращается к Л. Гуревич с предложением написать для «Северного вестника» обзорную статью о новых книгах Альтенберга, Гауптмана, Зудермана, Шницлера и опять-таки — Андреас-Саломе.¹⁰³ Статья, как и предыдущая («Две женщины»), не состоялась. Желая и далее переводить Сологуба, Браунер советуется с ним относительно выбора: «Может, у Вас найдется также что-нибудь короткое, пригодное для перевода? „Червяк“, которого я также переведу, немного объемист для немецкого журнала — а у меня больше ничего нет не переведенного». ¹⁰⁴ Однако намерение Браунера перевести рассказ «Червяк» также, по всей видимости, не осуществилось.

Продолжая внимательно следить за творчеством другого русского писателя, которого — наряду с Сологубом — Браунер ставил на одно из первых мест в современной литературе, он пытается получить от Чехова разрешение на перевод «Чайки». В письме от 4 (16) января 1897 года Браунер сообщает, что договорился с директором берлинского «Deutsches Theater»¹⁰⁵ о постановке чеховской драмы и в связи с этим просит предоставить авторизацию и выслать рукопись. В своем письме к Чехову Браунер упомянул и о том, что перевел роман «Тяжелые сны», который «на днях появится».¹⁰⁶

¹⁰⁰ Сохранились письма Ф. Фриш к Сологубу за 1912–1924 годы (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 714); о переводах, выполненных Рильке, в них не упоминается.

¹⁰¹ См.: Азадовский К. М. Рильке и Россия. С. 108–109, 129.

¹⁰² Эренбург И. Портреты современных поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922. С. 111–112.

¹⁰³ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 9 об.

¹⁰⁴ См. Приложение, п. 2 (письмо от 8 марта 1897 года).

¹⁰⁵ Директором театра был тогда Отто Брам (1856–1912).

¹⁰⁶ Цит. по: Чехов в переписке с переводчиками / Вступ. статья, публ. и комм. Е. М. Сахаровой; пер. с фр. Л. Р. Ланского; пер. с нем. Е. И. Нечепорука; пер. с чешск. А. П. Соловьевой // Лит. наследство. 2005. Т. 100. Чехов и мировая литература. Кн. 3. С. 431–432.

Ответ Чехова не известен, а постановка «Чайки» на сцене берлинского театра не состоялась. Однако сам факт, что Браунер предложил новую чеховскую пьесу именно Отто Брамму, который был одной из центральных фигур берлинской литературно-театральной жизни 1890-х годов, симптоматичен. В статье «Молодая Германия» Браунер называл Брамму и его сподвижника П. Шлентера, основателей журнала «Freie Bühne», «открывателями» Гауптмана-драматурга.¹⁰⁷ Браунер определенно тянулся к этому берлинскому журналу, начавшему с пропаганды натурализма и со временем превратившемуся в видный печатный орган, представлявший на своих страницах «новейшие» тенденции немецкой и общеевропейской культуры. На страницах «Freie Bühne» (в 1894–1904 годах — «Neue Deutsche Rundschau») появлялись в 1890-е годы переводы таких авторов, как Верлен и Мопассан, Герман Банг и Стриндберг, Золя, Гамсун, Д'Аннунцио и др. (из русских — Л. Толстой); страницы журнала были открыты и для «Молодой Вены» (Г. Бар, Гофмансталь, Шницлер). Не случайно еще в марте 1896 года Браунер рекомендовал этот журнал Л. Гуревич (в частности, февральскую книжку за 1896 год с новеллой Шницлера): «...если у Вас нет „Freie Bühne“, то я Вам буду ее высылать, пропускают в Россию...».¹⁰⁸

Переводя и пропагандируя сочинения Сологуба, Браунер надеялся приобщить его к коллективу авторов «Свободной сцены» (и тем самым поднять любимого писателя на более высокий уровень известности). В этом он поначалу рассчитывал на поддержку Андреас-Саломе, принадлежавшей к близкому кругу «Свободной сцены» (в журнале О. Брамма она опубликовала в 1890-е годы не менее десятка своих статей, очерков и эссе). Сообщая 24 декабря 1895 года Л. Гуревич о своем решении перевести роман «Тяжелые сны», Браунер замечает: «Может быть, мне удастся через M-me Lou Andreas-Salomé (знаменитая подруга Ницше) поместить роман в „Freie Bühne“; если же не удастся, тогда нужно будет ждать удобного случая. Будет очень жаль тогда, т. е. я немец очень жалеть буду».¹⁰⁹

Несмотря на неудачу с романом Сологуба Браунер продолжает искать сотрудничества с престижным журналом. Из письма Браунера к Сологубу от 16 июня 1897 года явствует, что он собирался перевести для «Neue Deutsche Rundschau» его новую повесть («На камни»)¹¹⁰ А в письме Браунера к Сологубу от 25 октября 1897 года содержится сообщение о том, что Клара Браунер перевела для этого журнала повесть «Раечка».¹¹¹

Жена Браунера оказалась весьма способной ученицей. Начав с рассказов Сологуба и Чехова,¹¹² она в дальнейшем значительно расширяет список русских авторов, сочинения которых переводит на немецкий язык (М. Горький, Гончаров, Достоевский, Лесков, Чехов и др.). Со временем Клара Браунер становится профессиональной и признанной переводчицей русской прозы; переведенный ею «Обломов» Гончарова неоднократно переиздавался в странах немецкого языка, а роман Горького «Дело Артамоновых» в ее переводе (первая публикация в Германии — 1926) был перепечатан и в СССР (М., 1934).¹¹³

¹⁰⁷ Северный вестник. 1895. № 11. С. 265.

¹⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 8.

¹⁰⁹ Там же. Л. 6.

¹¹⁰ Окончательное название повести — «Утешение» (см. Приложение, прим. 7 к п. 6).

¹¹¹ См. Приложение, прим. 1 к п. 7 и прим. 2 к п. 8.

¹¹² Первая выявленная нами публикация Клары Браунер — рассказ Сологуба «Лёлка» (в немецком переводе — «Ljoljetschka»), напечатанный в «Wiener Rundschau» (1898. № 13. 15. Mai. S. 496–504). За ним, спустя два месяца, следует рассказ Чехова «Печенег» (Ibid. 1898. № 17. 15. Juli. S. 658–666).

¹¹³ Перечень переводческих работ Клары Браунер см. в посвященной ей публикации Алексея Тацинского в Словаре переводчиков, издаваемом Майнцским университетом (Germersheimer Übersetzerlexikon // <http://www.uelex.de>; дата обращения: 31.10.2019). Ср. также прим. 25. В справочнике «Biografisches Lexikon österreichischer Frauen» (Wien; Köln; Weimar, 2016. Bd 1. A–H. S. 409), где помещена статья М. Хаследер о Кларе Браунер, речь идет явно о другой писательнице (урожд. Зандгейм; Sandheim, 1861–1938); однако в списке литературных работ, помещенном в конце статьи, приводится (хотя и с погрешностями) несколько переводов, выполненных Кларой Браунер, женой Александра Браунера.

Однако литературная активность самого Браунера после 1897 года явственно угасает. Его имя как переводчика все реже появляется в немецко-австрийской печати. Лишь перевод одного стихотворения Сологуба («Я люблю мою темную землю...», 1896) в переводе Браунера находит себе место на страницах «Wiener Rundschau».¹¹⁴

Дополнить библиографию Браунера за этот период можно лишь одной его публикацией — статьей о Чехове.¹¹⁵ Других его переводов или очерков обнаружить не удалось. Мало известно и о его дальнейшей судьбе.¹¹⁶

Отдельно следует упомянуть статью Сологуба «Единый путь Льва Толстого», написанной в связи с 70-летием писателя для еженедельника «Die Zeit».¹¹⁷ Александр Браунер был инспиратором этой статьи; он же вел переговоры с венской редакцией. Однако переводить статью Сологуба Браунер не стал, уступив ее опять-таки своей жене.

Первый этап известности Сологуба в германоязычном мире завершается в 1900–1901 годах: объединив под одной обложкой свои переводы, Браунеры выпускают в «Wiener Verlag», с которым тесно сотрудничала Клара, сборник Сологуба под названием «Schatten» («Тени»)¹¹⁸. Должно быть, это название воспринималось обоими как некий символ, определяющий сущность сологубовского творчества.

Среди откликов на этот сборник выделяется статья журналиста Пауля Натана (1857–1927) в либеральном берлинском еженедельнике «Die Nation», издававшемся «Союзом помощи русским евреям» (П. Натан был соиздателем). Озаглавив статью «Очарование болезненного», автор рассматривает четыре «детских» рассказа Сологуба в свете своего понимания жизни как жестокого противостояния человека и Судьбы, жертвой которого становится в первую очередь беззащитный ребенок. Судьба человека изначально трагична, полагает Натан, в особенности — судьба русского человека. Приводя слова одного из персонажей рассказа «Тени» («Мы не живем, а только мучаемся»), П. Натан связывает это «мучительное» состояние героев Сологуба с их «русскостью». «Эти люди принимают свою жизнь такой, какая она есть; они не творят ее, эти несвободные люди, рабы судьбы, славяне».¹¹⁹ Трагедия раба, поясняет он далее, это трагедия человека, который не пытается разорвать цепь судьбы, а покорно влачит ее. «Таковы русские люди. Судьба тяготеет над ними, подобно серому и низкому зимнему небу, нависшему над бесконечной пустыней, из которой невозможен побег.

¹¹⁴ Sologub F. Weltgefühl // Wiener Rundschau. 1898. № 20. 1. September. S. 774. Это стихотворение, как сообщал Браунер Сологубу 17 мая 1898 года, должно было появиться вместе с его статьей «Об одном русском поэте» («Ein russischer Dichter»); однако статья — по невыясненным причинам — не была напечатана (см. Приложение, п. 10, прим. 2 и 3).

¹¹⁵ Brauer A. Anton Tschechow // Die Zeit. 1898. № 170. 1. Jänner. S. 7–8.

¹¹⁶ А. Тащинский сообщает (см. выше прим. 25 и 113), что в 1922 году Александр и Клара вернулись в Берлин, а после 1933 года эмигрировали в Турцию (вслед за их сыном Лео, приглашенным на работу в Стамбул), где и провели остаток жизни. Добавим, что, вернувшись в 1917 году в Вену и продолжая там в течение нескольких последующих лет свою профессиональную деятельность, Браунер оказался, по-видимому, вовлеченным в общественно-политическую ситуацию того времени (после распада Австро-Венгрии). Это подтверждает, в частности, дневник Шницлера, в котором нашли отражение встречи и беседы писателя с Браунером весной и летом 1919 года. Так, в записи от 13 апреля 1919 года сказано: «Встреча с Алекс. Браунером. Он занят тем, что пытается перевести военные предприятия на мирные рельсы. Связь с венгерскими коммунистами, навещавшими его в самолете, чтобы с ним посоветоваться. О большевизме и тому подобное. Легкомыслие и невежество большинства руководителей» (Schnitzler A. Tagebuch 1917–1919 / Hrsg. von Werner Welzig und Peter Michael Braunwarth. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. S. 244).

¹¹⁷ См. прим. 1 к п. 11. Отметим, что австрийская публикация этой статьи опередила на 12 лет ее появление в России.

¹¹⁸ Sologub F. Schatten / Aus dem Russischen von A. und C. Brauner. Wien, 1900. В книгу вошли четыре произведения Сологуба: «Тени», «К звездам», «Лёлочка» и «Раечка»; обложку оформил известный пражский художник Э. Орлик (близкий знакомый Рильке). В 1912 году эта книга была перепечатана (с уточнением заголовков) берлинским издательством И. П. Ладьяжникова.

¹¹⁹ Nathan P. Der Reiz des Ungesunden // Die Nation. 1900/1901. Jg. 18. № 26. S. 11.

Никакого спасения и никакой воли к спасению». ¹²⁰ Натан отдает должное писательскому мастерству Сологуба. «Нездоровый аромат», который источает его книга, «таит в себе в то же время нечто обольстительное, сродни тяжелому одурманивающему запаху ядовитых цветов, что отвратительно для здорового восприятия, но все же пленяют и усыпляют чувства, пока свежий ветерок не принесет им освобождения. Тихие, спокойные интонации этих рассказов, всегда сдержанно приглушенные, даже когда они ведут к ужасу, обволакивают нас своим звучанием. То, что эта книга способна произвести такое впечатление, свидетельствует о ее художественной силе; это подлинно русская книга, обладающая всеми чарами болезненного». ¹²¹

Почти одновременно появилась — на страницах ведущей венской газеты — еще одна рецензия; ее автором был эссеист, драматург и литературный критик Рудольф Хольцер (1875–1965), который, подобно Браунеру и другим, объясняет своеобразие Сологуба опять-таки его «русским» происхождением: «Сологуб — настоящий русский. — Русский! Следовало бы, скорее, сказать „поэт“, однако против этого протестует наше немецкое представление о поэте. Рассказчик делает честь своим прародителям Достоевскому и Тургеневу. Далекая голубая страна, из которой Сологуб черпает свои образы, это тесная, потаенная человеческая душа; он раскрывает и толкует ее движения и склонности своим ледяным, ужасным рассудком. <...> Очерки Сологуба это страдальческие истории детских душ, и как раз поэтому их нельзя назвать детскими историями. Всю их бесконечную печаль и безутешность может облегчить лишь мысль о том, что эти душевные состояния, будучи, вероятно, вполне типическими, не являются общими для целой нации». ¹²²

Творчество Сологуба, утверждает Хольцер, соприкасается с областью психиатрии. «Чтобы выяснить, как много в рассказах Сологуба внутренней правды, важно определить, насколько отразились в них его наблюдения над жизнью и соответствующими заболеваниями и что в них от литературы, склонной к поиску эффектов. Ученые-психиатры могли бы сообщить на этот счет немало интересного; они могли бы сказать, как соотносится в этих очерках реальное и поэтическое, сколько в них патологии и фантазии и рассказывает ли Сологуб истории души или медицинские истории. Серьезный, выверенный стиль передает течение болезни, тогда как художественный эффект — признак психологического этюда». ¹²³

Основную часть статьи Хольцера занимает пересказ содержания четырех «детских рассказов» Сологуба. Отмечена и работа обоих переводчиков. «Кажется, — пишет Хольцер, — что язык и манера Сологуба хорошо переведены и внятно переданы; во всяком случае, к немецкому переводу А. и К. Браунер нет никаких претензий. Ясный, подчас сухой повествовательный стиль, которому свойственна, тем не менее, огромная убедительная и впечатляющая сила, должен быть очень близок русскому оригиналу...». ¹²⁴

Рано оставивший литературную деятельность, Александр Браунер оказался, как видно, первопроходцем: благодаря его переводам и очеркам имя Федора Сологуба получило в Германии некоторый резонанс, подхваченный в первую очередь кругом «Молодой Вены», ¹²⁵ но уже вскоре распространившийся за пределы Австрии. Малоизвестного русского писателя, каким был тогда Сологуб, Браунер сумел представить читающей немецкой публике как одного из ярчайших русских модернистов-новаторов — создателей новой русской прозы. Благодаря переводам Браунеров Сологуб — уже на рубеже столетий — воспринимался в глазах читающей немецкой публики

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Ibid.

¹²² Holzer R. Schatten // Wiener Zeitung. 1901. № 48. 27. Februar. S. 21 (Beilage «Wiener Abendpost». S. 5).

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Так, в личной библиотеке Г. Бара находились две книги, подготовленные А. Браунером: «Russische Novellen» (1897) и «Schatten» (1900). См.: Sippl C. Slavica der Hermann-Bahr-Sammlung an der Universitäts-Bibliothek Salzburg / Mit einem Geleitwort von Moritz Csáky. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2001. S. 33, 64 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext. Bd 3).

(во всяком случае, ее определенной части) как писатель, сопоставимый со Львом Толстым; его имя называли в Германии в одном ряду с Чеховым и М. Горьким. В этом — неоспоримая заслуга Браунера, его безусловный вклад в историю русско-немецких литературных отношений. Своими переводами Александр и Клара Браунер заложили фундамент для плодотворной работы следующего поколения немецких переводчиков Сологуба (И. фон Гюнтер, Р. фон Вальтер, А. Элиасберг).

* * *

Ниже в Приложении М. М. Павловой публикуются письма Александра Браунера Федору Сологубу 1897–1912 годов. Тексты печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 90). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой, за исключением отдельных особенностей авторской пунктуации (например, четыре или пять точек в конце фразы).

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР БРАУНЕР. ПИСЬМА ФЕДОРУ СОЛОГУБУ 1897–1912 ГОДОВ

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

1

Berlin 15 янв<аря> 1897

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я очень, очень виноват перед Вами — и моя вина состоит не только в нарушении обыкновенной вежливости.... Я часто собирался Вам писать, хотел благодарить Вас за наслаждение, которое мне доставили Ваши сочинения, хотел благодарить Вас за позволение переводить Ваши произведения — но при желании только и остаюсь: в силу различных частных обстоятельств — далеко нерадостного характера — я живу вне времени, математического времени, и откладывая писание письма, совершенно выпустил из виду, что прошел уже год с лишним. Я все ждал удобного случая — появления перевода «Тяжелых снов»;¹ но Ваше любезное письмо еще более удобный случай.²

Надеюсь, Вы меня простите. Зато я сообщу Вам несколько фактов: Вами очень интересуются. Уже при появлении перевода «Теней» в моем сборнике русских новелл³ Ваш рассказ произвел наибольшее впечатление; чуть ли не все критики повторяли мне (в предисловии к сборнику я сказал несколько слов о Вашем творчестве) и вместе со мной констатировали факт, что в России народилась, по-видимому, новая литературная сила.⁴ «К звездам» (я выслал Вам три номера «W<i>iener</i> Rundschau», в которых помещен Ваш рассказ)⁵ также очень понравились. «Т<ажелые> Сны» докажут, что я исполнял только свою обязанность, стараясь всячески ввести Ваши произведения в европейскую литературу — время, во время которого я переводил «Т<ажелые> Сны», я считаю не потерянным. И когда меня тянуло писать кое-что собственное, меня удерживала мысль, что «Т<ажелые> С<ны>» я все-таки не напишу! так по крайней мере переведу их.

На днях появится Ваш роман, в двух томах.⁶ Издатель мой разделил роман, т<ак> к<ак> библиотеки «охотнее» покупают романы в двух томах — я согласился на это, и думаю, что и Вы ничего не будете иметь против этого.....

Не будете ли Вы столь добры прислать мне все написанное Вами?⁷ Мне нужны короткие рассказы. Я читал недавно в «Новостях» два Ваших стихотворения⁸ — могу

я их иметь? Я бы хотел перевести некоторые из Ваших стихотворений. — Извините это длинное письмо — я Вам должен столько сказать! Но...

Преданный Вам

Алекс Браунер

Р. S. Я обыкновенно живу в Вене. В Берлине я провожу только свой отпуск — завтра я возвращаюсь в Вену обратно.

Wien, IX. Severingasse 9.

На бланке берлинского отеля: Terminus-Hôtel.

¹ См. вступ. статью.

² В реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуба имеется запись о посылке письма Браунеру: «28 дек. 1896. Wien, IX, Severingasse. Александру Матвеевичу Браунеру. Благодарность за присылку» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37).

³ *Ssologub F. Schatten. Eine Studie // Russische Novellen. Leipzig: Verlag von Hermann Zieger, [1896]. S. 21–59.*

⁴ Аналогичное мнение об авторе рассказа высказывалось в ближайшем окружении редакции «Северного вестника». В декабре 1894 года по прочтении «Теней» Н. Минский писал Л. Гуревич: «„Тени“ Сологуба произвели на меня сильнее впечатление. У него не только большой талант, но своеобразный взгляд на жизнь. Из него выйдет русский Эдгар Поэ, только бы не заленился. <...> Если будут какие-либо отзывы о Сологубе, сообщите мне. Меня крайне интересует его литературная карьера». Рассказом восхищалась З. Гиппиус, в декабре 1894 года она писала Сологубу: «Позвольте мне смиренно принести вам благодарность и высказать мое благоговение перед человеком, который сумел написать истинно прекрасную вещь — „Тени“. <...> В религию теней я обратила и мужа». По мнению Ф. Э. Шперка, автор «Теней» «с бессознательной меткостью опозитизировал власть призраков над больною современною душой и влечение ее к страданию» (цит. по: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 189–190).

⁵ См. вступ. статью, прим. 76. Рассказ «К звездам» впервые был напечатан в журнале «Северный вестник» (1896. № 9) и в сборнике «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896).

⁶ *Ssologub F. Schwere Träume. Roman / Einzig autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Alexander Brauner. Leipzig: Verlag von Herman Zieger, 1897. 2 Bd. Экземпляр сохранился в книжном собрании Сологуба (шифр: ИРЛИ 1939к/3246), на шмуцтитуле автограф: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу от переводчика. Март 1897 г. Вена» (Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 472).*

⁷ Видимо, Браунер имеет в виду перечень опубликованных произведений Сологуба.

⁸ Подразумевается журнал «Петербургская жизнь» — иллюстрированное приложение к газете «Новости и Биржевая газета», издававшейся О. К. Нотовичем. В 1895–1905 годах Сологуб был постоянным автором журнала (дебютировал стихотворением «Настроений мимолетных...» (1892): Петербургская жизнь. 1893. 5 сент. № 44. С. 430, под загл. «Жажда забвения»); однако в газете публикаций стихов не было. См.: Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004. С. 149–228 (раздел: Хронологический указатель первых публикаций). Вероятно, Браунер имел в виду подборку из трех стихотворений Сологуба: «Серебристый туман, что встает над рекой...» (1895); «Из кадилыницы с ладаном — дым благовонной волною...» и «Не люблю, не обольщаюсь...» (1896): Петербургская жизнь. 1896. 10 нояб. № 210. С. 1775. Публикация перевода этих текстов неизвестна; возможно, перевод осуществлен не был.

2

Вена, 8. Марта 97 г.

IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Извините, что я еще до сих пор не ответил на Ваше письмо и не поблагодарил за присылку «Теней». ¹ Я Вам очень, очень благодарен: за каждое письмо, которое Вы мне пишете, за каждую книгу, которую Вы мне посылаете; но...

Мне кажется, что вы и без многих слов поверите мне это.

Надеюсь, что Вы уже получили перевод «Т<ажелых> С<нов>»; ² надеюсь, что перевод Вам понравился. В нем найдутся некоторые неровности — в особенности в нача-

ле. Но никто, кроме Вас, не знает лучше, как трудно переводить Ваши произведения, если хочешь сохранить не только абсолютно русский характер, но и стиль и настроение всего того, что Вы пишете. Кажется, мне это удалось. По крайней мере, я постоянно старался это делать. И я очень буду рад, если мой труд доставит Вам хоть капельку того наслаждения, которое я переживал при чтении «Т<яжелых> Снов».

У меня к Вам большая просьба: не можете ли Вы мне прислать некоторые данные из Вашей жизни³ — я знаю только то немногое, что мне рассказала Изабелла Афанасьевна Венгерова. Я хочу написать статью о Вас для одного журнала.⁴ Для этого мне нужен также Ваш портрет с надписью Вашей на нем. Если Вам это не неприятно, то я бы очень попросил Вас исполнить мою просьбу.⁵

Может, у Вас найдется также что-нибудь короткое, пригодное для перевода? «Червяк», которого я также переведу,⁶ немного объемист для немецкого журнала — а у меня больше ничего нет не переведенного.

Преданный Вам

Александр Браунер

¹ Согласно записи в реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуба, письмо и сборник «Тени» были отправлены в Вену заказной бандеролью 18 января 1897 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37 об.).

² См. п. 1, прим. 4. Письмо с благодарностью за присылку немецкого издания «Тяжелых снов» Сологуб отправил Браунеру 28 декабря 1896 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37).

³ См. п. 4 и прим. 1 к п. 5.

⁴ См. вступ. статью.

⁵ Ответ Браунеру Сологуб отправил 6 (18) марта 1897 года, о посылке портрета в реестре не упоминается (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 38).

⁶ Рассказ «Червяк» (1894) впервые опубл.: Северный вестник. 1896. № 6; вошел в книгу Сологуба: Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896. Намерение Браунера перевести этот рассказ не осуществилось.

3

Вена, 11 марта <18>97 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Lou Andreas-Salomé, о которой Вы, вероятно, также слыхали, отправляется на днях в Петербург¹ и желает с Вами познакомиться. Прошу извинить меня, что я самым бесцеремонным образом располагаю Вашей благосклонностью: я ей дал Ваш адрес, и она, вероятно, сейчас же после приезда в С<анкт>-П<етер>б<ург> зайдет к Вам.² К сожалению, она известна только как подруга Ницше. Что она русская, что она очень, очень талантливая писательница, об этом не знает даже редакция «С<еверного> Вестника», которая в прошлом году напечатала перевод ее книги о Ницше и не нашла нужным осведомиться о ней.

Луиза Густавовна Саломе абсолютно редкая женщина. Не оттого, что удостаивает меня своей дружбой и доверием. Я еще ни разу не встречал более чистой и светлой натуры, более жизнерадостного человека, чем эту женщину <sic!>.

Оттого я предполагаю, что и <для> Вас не будет неприятно с нею познакомиться. Может быть, она не произведет на Вас такого сильного впечатления, как на меня. Но я только оттого осмелился нарушать Ваши привычки (мне говорили, что Вы неохотно знакомитесь с людьми и не бываете в обществе),³ что предполагаю, что и Вам будет приятно с нею познакомиться.

Во всяком случае, извините мою смелость.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ О Лу Андреас-Саломе и ее пребывании в Петербурге в 1897 году см. вступ. статью.

² Саломе посетила Сологуба 28 марта 1897 года (см.: Федор Сологуб. Тетради посещений / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 51.

³ В «Северном вестнике» Сологуб пользовался заслуженной репутацией поэта-отшельника. См. об этом: Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 110–113; также см.: Там же. С. 8–12.

4

Wien, am 26. März <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

очень благодарен Вам за готовность сообщить мне кое-что из Вашей жизни.

Прежде всего, мне желательно было бы знать:

Когда Вы родились (Ваши родители)? где? где и когда воспитывались? словом то, что называется «*curriculum vitae*». Затем Ваша литературная деятельность: когда она началась, каким образом; перечень Ваших произведений в хронологическом порядке. Сильнейшие впечатления Вашей жизни (люди, книги); если возможно, также Ваше внутреннее развитие.¹

Было бы хорошо, если бы Вы сообщили мне все, что Вы считаете необходимым для понимания Ваших произведений — извините, что я Вас так беспокою; но я все боюсь, что ложно пойму Ваши намерения (художественные) и слишком по-своему растолкую то, что совершенно иначе должно быть понято.

Благодарю Вас за хороший отзыв о моем переводе: я постоянно старался по возможности приблизиться к оригиналу. Надеюсь, что это мне отчасти, по крайней мере, удалось.

Могу я рассчитывать на скорый ответ? Мне бы очень хотелось знать кое-что о Вашей повести.² Скоро она явится?

Преданный Вам

Алекс Браунер

Как Вам понравилась Г-жа Саломе?³
Можно спрашивать подобные вещи?

¹ См. прим. 1 к п. 5.

² Речь идет о повести «Утешение» (1898); подробнее см. п. 6, прим. 7.

³ Отзывы Сологуба о Л. Андреас-Саломе неизвестны.

5

Вена, 16. Июня <18>97 г.
IX. Severingasse 9.

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

К сожалению, я только теперь могу обратиться к Вам с просьбой исполнить Ваше обещание. Я очень благодарен Вам за присланную мне краткую биографию Вашу¹ и не затруднял бы Вас дальше, если бы Вы не были сами так любезны и не обещали сообщить еще другие подробности, которые мне в данный момент очень нужны: я обещал двум редакциям написать биографически-критическую статью о Вас, и одна из этих

редакций (лейпцигская «Gesellschaft»)² просила меня на днях доставить ей статью через месяц.

У меня к Вам, Федор Кузьмич, еще одна большая просьба: если существует малейшая возможность на это, то я бы попросил Вас прислать мне манускрипт Вашей новой повести,³ которую я перевел бы тогда для «Neue Deutsche Rundschau». Я сотрудничаю с этим журналом, и в последней моей статье говорил также о «Тяжелых Снах»⁴ и ее авторе — немцы очень заинтересованы Вами и восхищаются романом. Скоро появятся статьи о «Т<ажелых> С<нах>», и я пошлю их Вам.

Мою статью я прислал бы Вам также с большим удовольствием, но она, кажется, очень нелегальна и, вероятно, не дойдет.⁵

Преданный Вам

Александр Браунер

¹ Согласно записи в реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуб послал Браунеру сведения о себе (curriculum vitae) в письме от 4 (16) мая 1897 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 39 об.). — Факт весьма примечательный, поскольку Сологуб, как правило, в категорической форме отказывался сообщать биографические сведения для печати. После шумного успеха «Мелкого беса» (1907) А. А. Измайлов констатировал: «Бесспорное достоинство Сологуба, — что и в дни, когда, несомненно, ему не было отбоя от газетчиков, он сумел сохранить гордое одиночество и красивую тишину в своем доме и в своей душе. Взысканный известностью, он не сделал ни малейшего шага в сторону любезных интервьюеров. Не только ни один интервьюер не рассказал мелких подробностей его домашнего уклада, но мы даже не знаем о нем самых общих сведений, которые неизбежно узнаешь просто о сколько-нибудь даровитом пишущем человеке, года через три его работы. Это какой-то Мельхиседек в литературе, без генеалогической таблицы, без послужного списка» (Измайлов А. Загадка сфинкса // Измайлов А. Литературный Олимп. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 307). Первый развернутый биографический очерк о Сологубе был составлен Ан. Чеботаревской для «Русской литературы XX века», выходявшей под редакцией С. А. Венгерова (М.: Мир, 1915), см.: Т. 2. Ч. 1. С. 9–10.

² «Die Gesellschaft» — известный немецкий журнал, посвященный литературе, искусству и общественной жизни; издавался в 1885–1902 годах в Мюнхене, Лейпциге и других городах. На его страницах выступали, как правило, представители «молодого» поколения, призывавшие к «обновлению» искусства и жизни. Его инициатором и многолетним редактором был М. Г. Конрад; позднее к нему присоединился К. Блайбтрой (см. также вступ. статью.).

³ Речь идет о ранней редакции повести «Утешение» (1898), подробнее см. п. 6, прим. 7.

⁴ Никаких следов «сотрудничества» Браунера с этим берлинским журналом не обнаружено. См. также вступ. статью.

⁵ Вероятно, Браунер имеет в виду свою (неопубликованную) статью для «Neue Deutsche Rundschau».

6

Грац, 6^{то} Июля <18>97 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Как Вы, вероятно, уже успели заметить, я не в Вене — это причина тому, что я не сейчас же поблагодарил Вас за любезную присылку Вашего письма и Ваших стихов.¹ Надеюсь, что Вы более или менее охотно написали мне то, о чем я просил — меня все время мучает совесть, т<ак> к<ак> я отнял у Вас этим массу времени.² Если бы я не боялся еще раз затруднить Вас, то попросил бы Вас исполнить то, о чем Вы пишете в Вашем последнем письме: подчеркнуть и во второй книге стихов³ те «прозрачные» места, о которых Вы говорите. Я Вам чрезвычайно благодарен за Вашу доброту и Вашу любезность, и был бы очень и очень рад оказать Вам хоть маленькую услугу: я не привык встречать у людей столько готовности помочь человеку понять что-нибудь. И если Вам мое отношение к Вам и Вашим произведениям доставляет хотя бы minimum того удовольствия, какое мне доставляет каждая написанная Вами строка, тогда я немного облегчен. — Я занялся Вашими произведениями, потому что нашел в них (в особенности

в стихах и в «Тяжелых Снах») то, чем давно томилась и моя душа — Вы ведь знаете: мы ко всему прикладываем наш личный аршин; и чем чаще совпадают подразделения нашего аршина с подразделениями того аршина, которым какой-нибудь индивид мерит свет и людей, тем талантливей и более выдающимся мы его считаем.

Это, может быть, немножко нагло с моей стороны подводить подобные параллели. Но если бы я сказал Вам какой-нибудь глупый комплимент, то это было бы Вам неприятней, чем моя наглость. Но я ведь не виноват в том, что считаю того поэта выдающимся, который в состоянии выразить то, что я чувствую и чего я не могу выразить. Гете говорит:

«Mir gab ein Gott zu sagen was ich leide...»⁴

Вам Бог дал также способность выразить словами Ваши страдания — я же могу пока только страдать — это мое преимущество над другими, которые не в состоянии страдать....

Я дал недавно «Тяжелые сны» одному знакомому критику (молодой человек и поэт). Когда я его встретил несколько дней спустя и спросил, как ему книга понравилась, он мне ответил то, что я Вам уже как-то писал: теперь он понимает, почему я занялся переводом Вашего романа — «впрочем, — прибавил он, — я написал бы ведь на ту же тему <sic!>, другой темы для нас теперь нет!»; и он очень рад, что более талантливый человек исполнил то, что он хотел сделать.... — Когда появится его статья о «Т<яжелых> С<нах>», тогда я ее Вам пришлю. Другой мой знакомый — также молодой человек — пишет книгу о европейских психологах: Вы и Ваши произведения займете в этой книге очень выдающееся место.⁵

Присланные вами стихи мне очень понравились, более всех — Помогите⁶ — трудно найти, во всех литературах, такое сильное выражение нашего бессилия, а ведь сказано всего несколько слов!

Как только получу манускрипт Вашей повести,⁷ сейчас же займусь ее переводом; сокращать я не буду, т<ак> к<ак> считаю это вандализмом. И если Вы сами не решаетесь выбросить некоторые главы, то мне уж подавно этого не делать: я к Вашим произведениям — при переводе — не хочу критически относиться. И только тогда, когда начну писать о Вас, тогда, вероятно, появятся и критические сомнения.

В Вашем «Задоре» я, к сожалению, не мог найти никакого родства с Логиним; и только после того, как Вы указали мне на это, я нашел сходство: из такого мальчика, при известных условиях, может стать подобный человек.⁸ — Этот рассказ я помещу либо в «Zeit», либо же в знакомый Вам «Wiener Rundschau».⁹

Все то, что Вы пишете в Вашем письме, я бы охотней всего дословно перевел: это дополнение к Вашим произведениям и к — Логину. Но я ограничусь, вероятно, комментариями и выдержками.

Еще раз благодарю за все.

Преданный Вам

Алекс Браунер

Wien, IX. Severingasse 9.

¹ Согласно авторскому реестру исходящей/входящей корреспонденции 9 (21) мая 1897 года Сологуб отправил Браунеру заказное письмо и простую бандероль с книгой «Стихи. Книга первая» (СПб., 1896); вслед за тем 10 (22) мая — письмо, журнал «Север» (1897. № 21. 25 мая) с автобиографическим рассказом «Задор», а также стихотворения, в записи перечисленные и пронумерованные: 1) «Я люблю мою темную землю...», 2) «Помню я полдень блаженный...», 3) «Над душой голубая печаль...», 4) «Блуждали молитвы мои...», 5) «Я люблюсь людской красотою...», 6) «Надо мною — жестокая твердь...», 7) «Люблю мое молчание...», 8) «Путь мой трудный, путь мой дальний...», 9) «Я — Бог таинственного мира...», 10) «Подымаю бессонные взоры...», 11) «Какой-то хитрый чародей...», 12) «Порою туманной...», 13) «Над безумием шумной столицы...» (в тексте: «Над бессилием»), 14) «Я шел безнадежной дорогой...», 15) «Не ужасай меня угрозой...», 16) «Я душой умирающей...», 17) «Шут» («Я лицо укрыв бы в маске...»), 18) «Помогите» («В поле не видно ни зги...»), 19) «Знаю я — во всей вселенной...», 20) «Усмиривши

творческие думы...», 21) «Никого и ни в чем не стыжусь...» (в тексте: «Никого, ничего не страшусь...»), 22) «Какие-то светлые девы...» (в тексте: «Светлые девы»), 23) «Из-за тумана ночью...», 24) «В весенний день мальчишка злой...», 25) «Ты печально мерцала...», 26) «Прикасаюсь холодной рукой...», 27) «Злое земное томление...», 28) «Звезды, приветствуйте брата!..» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 40–40 об.). Посланные стихотворения, относящиеся по преимуществу к 1896–1897 годам, Сологуб включил в свою поэтическую книгу: Собрание стихов. Книга III и IV. 1898–1903 г. (М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1904).

² По-видимому, речь идет о письме Сологуба, содержащем биографические сведения (см. п. 5).

³ Имеется в виду сборник Сологуба «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896).

⁴ Неточная цитата из драмы И.-В. Гете «Торквато Тассо» (1790), правильно: «*Gab mir ein Gott zu sagen, wie ich leide...*» («И если человек в страданиях нем, / Мне бог дает поведать, как я стражду» — перевод С. М. Соловьева). Впервые опублик. в русском переводе Н. В. Кукольника: «Из драматической фантазии „Торквато Тассо“» (1831).

⁵ Речь идет, скорее всего, о М. Мессере, посвятившем в те годы ряд философско-эстетических статей и очерков проблеме «современной души» и соединившем их в книге «*Moderne Seele*» (Leipzig, 1899), см. вступ. статью, прим. 84.

⁶ См. п. 6, прим. 1. Стихотворение «В поле не видно ни зги...» (дата: 18 мая 1897 года) впервые опубликовано под заглавием «Помоги!» (Нива. Ежемесячные лит. приложения. 1897. № 7. Стлб. 491).

⁷ Речь идет о повести «Утешение» (1898) (первоначальное название — «На камни»), над которой Сологуб трудился около трех лет (1896–1899), в черновой рукописи имеется авторская помета: «Кончено 1 марта 1897» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 186 об.); реальной датой завершения работы следует считать год первой публикации (Север. 1899. № 15–21. 11 апреля — 23 мая); вошла в сборник Сологуба «Жало смерти» (М.: Скорпион, 1904). Первый вариант текста был забракован редакцией «Северного вестника» по причине громоздкости (объем значительно превосходил окончательную редакцию) и художественных недостатков, на которые Сологуб указал А. Волынский (см.: Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 153).

⁸ В черновой рукописи романа «Тяжелые сны» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–12) имеется вставная новелла о детстве Логина (предшествует главе «Завещание самоубийцы»), в которой повествуется о попытке юного героя покончить с собой из-за конфликта с матерью и бабушкой (автобиографический мотив). После изъятия вставной новеллы и «Завещания самоубийцы» в тексте романа остался лишь намек на потрясение, испытанное Логиним в детстве (герой переживает его снова в ночь убийства Мотовилова, однако о каком потрясении идет речь, читателю остается непонятным). Впоследствии Сологуб напечатал новеллу как самостоятельное произведение под заглавием «Задор» (1897), изменив имя героя: вместо Васи Логина — Ваня Багрецов (впервые: Север. 1897. 25 мая. № 21), см.: Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 140–141.

⁹ Этот замысел, вероятно, остался не осуществленным; во всяком случае, публикация рассказа Сологуба «Задор» в переводе Браунера не состоялась.

7

Вена, 25. X. <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

я с большим удовольствием исполню Вашу просьбу, которая меня необычайно обрадовала — но только через недели 2–3, т<ак> к<ак> у меня не имеется подходящей карточки.

Извините, что я так долго молчал — но как Вы знаете, я всего месяца три как женился, и это счастье далось мне после долгой, тяжелой борьбы... мы живем — за исключением тех 8–10 часов, которые я должен проводить на фабрике, почти вне света, и написать письмо мне было очень трудно. — Ваша последняя повесть «Раечка» нам очень понравилась, жена уже перевела ее, и повесть, вероятно, будет печататься в «*Neue Deutsche Rundschau*»...¹ На днях появится в венской «*Zeit*» статья о «Т<ажелых> Снах», которую я Вам на днях пришло.²

Не помышляете ли Вы, Федор Кузьмич, поехать в Европу, может на Рождество? Будьте нашим гостем!

Жена просила выразить Вам ее преданность.

Ваш

Александр Браунер

¹ Имеется в виду повесть «Утешение», в немецком переводе — «Раечка» (по имени центрального персонажа); опубликована в кн.: *Sologub F. Schatten / Aus dem Russischen von A. und C. Brauner*. Wien, 1900 (см. вступ. статью, прим. 118).

² Имеется в виду: *Messer M. Ein russischer Roman // Die Zeit*. 1897. № 159. 16. Oktober. S. 41 (см. вступ. статью, прим. 84).

8

Вена, 26. XI. <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

Очень рад, что могу, наконец, сегодня послать Вам мою фотографическую карточку: я ее только сегодня получил. — Сегодня высылаю Вам также обещанную статью о «Т<яжелых> С<нах>». ¹ Автор этой статьи очень милый парень, но немец; а для немцев Россия останется, кажется, навсегда книгой за семью печатями.

Относительно Вашей «Раечки», могу сообщить Вам, что она принята редакцией «*Neue Deutsche Rundschau*» ² — но не знаю еще, когда будет напечатана, т<ак> к<ак> редактор «*N<eue> D<eutsche> R<undschau>*» писал мне, что повесть немного длинна, но он постарается поместить ее в ближайшем номере после Нового года. — Очень жалею, что не смогу с Вами познакомиться лично (в Вене) — но может быть, Вы все-таки приедете в «Европу».

Жена очень кланяется Вам

Алекс Браунер

¹ См. п. 7, прим. 2.

² Публикация повести в «*Neue Deutsche Rundschau*» не состоялась.

9

Вена, 9. IV. <18>98.

С праздником!¹
Виноватый перед Вами
и очень Вам преданный

Алекс Браунер

На почтовой карточке (видовой).

¹ По-видимому, имеется в виду Пасха, которую в 1898 году Русская православная церковь праздновала 18 апреля, Римско-католическая и протестантские церкви — 10 апреля.

10

Вена, 17. Мая <18>98 г.
IX. Severingasse 9.

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

сегодня высылаю Вам вместе с письмом № «Wiener Rundschau», с переводом «Лёлечки»¹ — надеюсь, перевод Вам понравится, т<ак> к<ак> мне кажется, что жена моя довольно хорошо переводит. Редакции рассказ очень нравится. В одном из следующих номеров будет помещена моя статья о Вас «Ein neuer russischer Dichter»² и мой перевод стихотворения «Я люблю мою темную землю...».³ Этот № я Вам, конечно, сейчас же после появления вышлю...⁴

Я пред Вами опять очень виноват, т<ак> к<ак> не ответил на Ваше последнее письмо и не поблагодарил за любезную высылку №№ «Севера» с Вашими рассказами.⁵ Но я так занят все время на заводе, что вечером, по приходу домой, обыкновенно очень уставши, и не в состоянии написать мало-мальски разумное письмо. Вы, вероятно, из собственного опыта знаете, как все эти занятия из-за куска хлеба отнимают не только большую часть времени, но и чуть ли не всю жизненную энергию. И хотя я и нахожусь, несмотря на сравнительную молодость, уже в положении человека, который «может уже есть хлеб с маслом» — но мои занятия на фабрике все-таки очень утомляют меня....

Извините эти мои излияния — но Вы мне кажетесь так близки, я чувствую себя так хорошо и свободно с Вами, что у меня постоянно, когда я думаю о Вас, пропадает то сознание стесненности, которое обдаёт нас холодным туманом в обществе чужих людей. Оттого я постоянно так необычайно рад, когда получаю от Вас письмо.

Сегодня я пишу Вам по той причине, что хочу сообщить Вам важное для нас с женой происшествие: жена родила вчера утром мальчика,⁶ и я этому очень рад, т<ак> к<ак> она теперь вне всякой опасности....

Извините, что вдруг кончаю: но я должен уйти по делу.

Жена очень кланяется Вам.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ Рассказ Сологуба «Лёлечка» (впервые: Север. 1898. № 1. 4 января. Стлб. 11–22; под заглавием «Прятки»: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 3. Земные дети); в немецком переводе Клары Браунер («Ljoljetschka») опубликован в «Wiener Rundschau» (1898. № 13. 15. Mai. S. 496–504).

² Новый русский поэт (нем.). Статья Браунера о Сологубе под таким названием неизвестна; видимо, замысел не осуществился.

³ Стихотворение Сологуба «Я люблю мою темную землю...» (1896 год; впервые: Петербургская жизнь. 1898. № 316. 22 ноября. С. 2623); в переводе Браунера опубли.: Sologub F. Weltgefühl // Wiener Rundschau. 1898. № 20. 1. September. S. 774.

⁴ В архиве Сологуба номер журнала с публикацией перевода не сохранился. В авторской библиографической картотеке переводов произведений Сологуба на иностранные языки перевод этого стихотворения не зафиксирован (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 544 (2)).

⁵ Согласно реестру исходящей корреспонденции, Сологуб послал Браунеру два номера петербургского еженедельного журнала «Север» с публикацией рассказов, 1 (13) декабря 1897 года — рассказ «Улыбка» (1897. № 46. 16 нояб.); 9 (21) апреля 1898 года — рассказ «Белая мама» (1898. № 14. 5 апр. Стлб. 429–438); ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 43, 46.

⁶ Браунер Лев Александрович (см. о нем вступ. статью и прим. 2 к п. 13).

11

<Вена,> 24. August 1898
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

обращаюсь к Вам с очень большой просьбой: редакция «Zeit» желает поместить в своем № от 10.IX / 29.VIII статью о графе Толстом, по поводу его 70-летнего дня рождения. Не будете ли Вы так добры написать статью о значении Толстого для нас¹ — размер 1½ — 2 стран<ицы> «Zeit» (у Вас имеется № Zeit с статьей Мессера о «Т<яжелых> Снах»,² я Вам вышлю на всякий случай № с моей статьей о Чехове).³

Надеюсь Вы не сердитесь за это затруднение: я обещал редакции попросить Вас об этом, т<ак> к<ак> думаю, что Ваша оценка Толстого верней и интересней оценки всякого русского критика... Статья должна быть в Вене до 5-го Сент<ября>; я (либо жена) переведу ее.

Очень благодарю за присланный рассказ, который будет, вероятно, помещен в «Zeit».⁴ Надеюсь, Вы не откажете мне в просьбе. Во всяком случае, прошу сейчас же известить меня,⁵ т<ак> к<ак> редакция ждет ответа.

Еще раз прошу простить меня.

Преданный Вам

Браунер

На бланке газеты «Die Zeit».

¹ Статья Сологуба «Единый путь Льва Толстого», написанная по предложению Браунера, вскоре была опубликована в Вене (см.: *Sologub F. Die Welt Leo Tolstoi's. Zur Feier seines siebenzigsten Geburtstags* // Die Zeit. 1898. 10. September. № 206. S. 167–168); в России впервые: *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1910. Т. 10. С. 189–202.

² См. п. 7, прим. 2.

³ *Brauner A. Anton Tschechow* // Die Zeit. 1898. № 170. 1. Jänner. S. 7–8.

⁴ Вероятно, речь идет о рассказе «Белая мама» (см. п. 10, прим. 4). Кроме того, 15 (27) августа 1898 года Сологуб послал Браунеру рассказ «Земле земное» (впервые: Север. 1898. № 21–24. 24, 31 мая, 7, 14 июня), запись о посылке см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 47 об.

⁵ Сологуб ответил Браунеру 5 сентября (22 августа), вместе с письмом было послано стихотворение «Я верю в творящего Бога...», посвященное его сыну (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 38), см. п. 13, прим. 3.

12

Wien, 12. Сент<ября> 18>98 г.
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

я Вам очень благодарен за исполнение моей просьбы — Ваша статья появилась в последнем № «Die Zeit», и сегодня еще я вышлю Вам 7 №№ с Вашей статьей, № с моей статьей о Чехове¹ и № «Wiener Rundschau» с переводом Вашего стихотворения² — этим рвением моим я хочу загладить мою вину перед Вами, т<ак> к<ак> действительно забыл послать Вам статью о Чехове.

Статья Ваша редакции, конечно, очень понравилась, и редактор (Alfred Gold)³ просит выразить Вам свою признательность. Гонорар Вам вышлю на днях. — Мы с женой очень рады, что Вы согласились — несмотря на короткое время — написать свое мнение о Толстом. Вы оказали этим немецкой литературе прямую услугу, т<ак> к<ак> до сих пор не появлялось ни одной статьи о Толстом, в которой бы ни смотрелось на его последние философские и литературные труды, как на нечто старческо-

наивное <sic!>. Что все его сочинения только звенья одной абсолютно логической цепи, этого здесь никто не понимает. Немцам — я говорю о настоящем большинстве — слишком чужд этот идеально-чистый, индивидуально-внутренний мир святого старика. Что Вы, как никто другой, верно понимаете глубокую философию, которая кроется в сочинениях Толстого, было для нас ясно еще до статьи — и мы Вас⁴ благодарим за ту радость, которую доставила нам Ваша статья.

На днях я, вероятно, еду в Берлин (по частному делу) и поговорю там с редактором «Neue Deutsche Rundschau»,⁵ в которой должна появиться Ваша повесть «На камни» — она должна была еще печататься летом, и я не понимаю, почему ее не печатают.

Сердечный поклон от жены и сына, который выражается пока только гласными буквами.

Искренно преданный Вам

Александр Браунер

На бланке предприятия: Österreichische Schuckert-Werke.

¹ См. п. 11, прим. 1 и 3.

² См. п. 10, прим. 2.

³ Гольд Альфред (Alfred Gold; 1874–1958) — австрийский писатель, представитель венского модернизма, театральный критик, искусствовед, коллекционер; один из редакторов журнала «Die Zeit»; в 1901–1911 годах — берлинский корреспондент «Frankfurter Zeitung», печатался в «Neue Rundschau».

⁴ В автографе: Вам.

⁵ Речь идет об одном из основателей журнала: О. Бrame или П. Шлентере (см. вступ. статью).

13

<Вена> Heinrichsthal, den 8. Nov. <18>98

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Извините мое долгое молчание: в силу различных нравственно-тяжелых обязательств на службе — у нас на фабрике происходят гонения «жидов» и всех других более-менее свободных элементов, как в знакомой вам стране... — я нахожусь в очень подавленном состоянии; жена, конечно, тоже. Оттого я не в состоянии написать теперь мало-мальски осмысленное письмо, в котором не чувствовалось бы то тяжелое настроение, в котором мы находимся. — Так что, не взыщите!..

Ваше стихотворение нашему птенцу, «Льву Александровичу»,⁶ нас чрезвычайно тронуло и обрадовало, не только с литературной стороны — мы Вам очень, очень благодарны, а «он» поблагодарит через несколько лет....

На днях зайду в редакцию «Zeit»: вероятно, они рассчитывали на то, что я зайду за деньгами, т<ак> к<ак> обыкновенно очень аккуратны.⁷ — Я в этих краях по делу. В следующий раз напишу в менее минорном тоне.

Преданный Вам Браунер

Жена просила кланяться Вам.

На бланке: Heinrichsthaler Papier-Fabrik Martin Kink & G. Хайнрихсталь — населенный пункт (коммуна) в Нижней Франконии (Бавария).

¹ 5 (17) сентября 1898 года Сологуб послал А. и К. Браунерам стихотворение «Я верю в творящего Бога...» (30 декабря 1897 года), о чем сделал записи в реестре (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 48) и в авторской библиографической картотеке поэтических текстов (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 544). Автограф без посвящения: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 89. Впервые: Денница. Альманах 1900 года / Под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского, И. И. Ясинского. СПб., 1900. С. 70.

Приводим полный текст этого стихотворения:

Я верю в творящего Бога,
В святые заветы небес,
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.

И первое чудо на свете,
Великий источник утех —
Блаженно невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.

² См. п. 12.

14

Воскр<есенье> 5./11. <18>99 <года>
<Егерндорф>

Я пребываю здесь в самой, что ни на есть, австрийской провинции.¹ И здесь люди воображают себя пупом земли, и здесь весело жить на свете: тишь и гладь и Божья благодать! Вот хорошо было бы годик пожить в этих краях... И здесь, как и всюду, с теплым чувством думаю о Вас и жму с искренним уважением Вашу руку.

Преданный Вам

Браунер

¹ На почтовой карточке с видом Егерндорфа. Егерндорф (Jägerndorf) — промышленный и железнодорожный город в Судетах. После развала Австро-Венгрии — чехословацкий город Крнов, центр одноименного округа. С 1938 по 1945 год (в результате аннексии Судетской области) — в составе Германии. Ныне — Крнов (Чехия).

15

<Берлин> 11 Авг<уста> <19>00
17 Авг<уста>

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

я все еще нахожусь под влиянием Вашего письма:¹ я долго собирался Вам ответить и как-то не приходилось — я занят очень в бюро, часто нахожусь в разъездах; дома же либо апатично физически отдыхаю, либо же играюсь с нашим мальчиком: он начинает терять свой ангельский облик и свою кротость, и мало-помалу превращается в зверька. Обыкновенно этот период почему-то называют: «становится человеком» и т. д. — по-моему это неверно: именно теперь нужно еще осторожней с ним обращаться, не дать развиться его животным инстинктам, т. е. воспитывать его... Много радости дает он, еще больше забот, к которым уже примешивается чуть ли не ежедневная боязнь потерять его.....

Жена очень благодарна Вам за добрые слова и сердечно кланяется: она теперь очень занята переводом «Фомы Гордеева»,² который должен быть к сроку готов. Она навязывает себе работу, т<ак> к<ак> любовь и дети далеко не восполняют жизнь и время — тем более что я почти целый день провожу вне дома. Вот Вам вкратце схема нашей жизни: я должен работать и вследствие этого недолюблюю ее, т<ак> к<ак> она отнимает у меня жену и ребенка и, главным образом, меня самого и мою личную свободу, я занимаюсь предметом чрезвычайно интересным — электротехникой, хотя больше деловой стороной этой науки: технические прожекты, деловые сделки, продажа и т. д., достиг в молодые годы (мне теперь 29-тый год) довольно хорошего положе-

ния — но все это скучно, и я чувствую невероятную неудовлетворенность: во мне миллион идей, стихов, мне хочется роман и драму написать, и я не могу за недостатком свободного времени. Может быть, я обманываю себя, может быть, я не в состоянии вообще писать, т<ак> к<ак> не владею техникой «писательства», может быть, я нарочно не стараюсь о свободном времени, чтобы иметь оправдание... Наконец, убеждаю себя, что вообще писать не надо, не для кого, что лучшее все равно остается недосказанным, а то хорошее, что говоришь, опошляется читателем; вообще гораздо красивее себе все это представляешь, в душе и роман и драма и стихи чище, глубже, гармоничней, у нас слов нет, и музыка единственное средство выражать скорбь и радость и глубину чувств и действий. Goethe и Shakespeare вероятно умерли и не сказали всего, что у них накопилось в душе, что созрело в голове... И Вы умрете и не скажете.... И я умру и не скажу, а может, по дороге к смерти забуду, что сказать хотел, и для кого и для чего!...

Видите ли, так томится моя душа... хотя у меня бывают минуты больших и светлых радостей: жена, которой я все могу сказать, которая по одному слову, взгляду понимает всю работу души моей, которая ведь и сама ищет, как и я, правду и смысл жизни, нашей жизни — а смысла нет, нет индивидуального смысла, а

Nach ewigen, ehernen, grossen Gesetzen
Müssen wir *alle* unseres Daseins
Kreise vollenden...

как сказал Goethe...³

Большая радость: ребенок, развитие и загадочность которого для нас постоянное откровение и служит предметом более глубокого понимания разумного и необходимого в природе....

В Вашем письме я прочел почти то же, и был очень рад ему, был рад, главным образом, Вашей откровенности и очень благодарен Вам за это.

На Ваш вопрос на тему: литература, я не могу собственно ответить, т<ак> к<ак> не слежу за русской литературой основательно. Кроме Чехова и Горького почти ничего нового не читал, говорят, что ничего нового нет. От Чехова я больше ничего не жду, он свое сказал, по-видимому, успокоился на этом; Горький бесспорно сильный талант-самородок, и это его качество меня очень поражает: я удивляюсь ему больше, чем любовно отношусь к нему — но он, по-видимому, человек не умный, т. е. не философ, как вообще большинство писателей всех языков более талантливы, чем умны. Типичный пример: Гауптман,⁴ человек очень поэтичный, глубокий, но совсем не умный; при чтении его книг не чувствуется сильной интеллект, как, напр<имер>, у Goethe — Вы, вероятно, удивитесь, что я так часто повторяю имя Goethe: он для меня maximum человеческого развития.... —

Что Вас в России не печатают,⁵ собственно, понятно: все русские журналы тенденциозны, все печатают вещи, подходящие к какому-нибудь шаблону, все довольно пошленькие и мелочные... Лучшее доказательство: абсолютное отсутствие разумного, образованного, глубокого критика — где им понять тонкость Ваших детских рассказов, глубину Ваших стихотворений... И больно и противно думать теперь о России...

От Минского (о его «Альме»⁶ я охотно услышал бы Ваше мнение) я узнал,⁷ что у Вас много новых стихотворений и серия сказок:⁸ не пришлете ли Вы мне их — если это возможно — я был бы Вам за это премного благодарен.

Этим кончу.

Глубоко уважающий Вас

Алекс Браунер

На бланке: Reuter & Co Commandit-Gesellschaft für Elektrische Anlagen / General-Repräsentanz von: Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft. Berlin.

¹ Имеется в виду письмо Сологуба от 3 июля 1900 года с благодарностью за книгу («благодарю за Schatten»); ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 59 об.

² См.: *Gorki M. Foma Gordjefew. Roman / Übersetzt von K. Brauner. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1901; переиздана (там же) в 1905 году.*

³ Цитата из стихотворения И. В. Гете «Das Göttliche» — «Божественное» (1783), без соблюдения строфики оригинала. В рус. пер. А. А. Григорьева (1845):

По вечным, медяным,
Великим законам,
Все бытия мы
Должны невольно
Круги совершать.

(Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. СПб., 2001. С. 539–540 (сер. «Новая библиотека поэта»)).

⁴ Имеется в виду Герхарт Гауптман.

⁵ Вероятно, отклик на письмо Сологуба, в котором он сетовал на то, что его не печатают. Субъективное мнение писателя противоречило реальной картине (см.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909 года. СПб., 1909. 31 с.).

⁶ Отклики Сологуба на книгу Н. М. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900) неизвестны. Драма вызвала мощный резонанс в прижизненной критике. Прототипом главной героини послужила З. Гиппиус, с которой автора связывали мучительные любовные переживания (тогда же Л. Бакст написал ее портрет и подписал его «Альма»). Гиппиус откликнулась на книгу Минского критической статьей «Торжество в честь смерти» (Мир искусства. 1900. Т. IV. № 13–24. С. 85–94). Браунер знал о перипетиях этой истории, скорее всего, от Л. Флакса, лично знакомой с Минским и переводившей его произведения на немецкий язык. См.: Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Сапожкова; сост., подг. текстов С. В. Сапожкова и А. В. Сысоевой // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1 / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. С. 116–120.

⁷ Обстоятельства личного знакомства Браунера с Н. Минским выяснить не удалось.

⁸ Речь идет о первых миниатюрах Сологуба из цикла «Сказочки» («Обидчики», «Ласковый мальчик», «Путешественник камень», «Ворона», «Нежный мальчик», «Плененная смерть», «Крылья», «Свечки»), опубликованных в 1898–1899 годах в «Петербургской жизни» и «Живописном обозрении» (см.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 23–24). Впоследствии «Сказочки» (всего: 78) составили авторские сборники: «Книга сказок» (М.: Гриф, 1905) и «Политические Сказочки» (СПб.: Шиповник, 1906).

16

<Вена,> 27./1. 1910
XIII./7. Hauptstrasse. 105

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Надеюсь, Вы еще не совсем забыли меня, хотя со времени нашей переписки прошло немало времени.

Обращаюсь к Вам теперь с большой просьбой: дело в том, что жена моя, много лет занимавшаяся переводами с русского на немецкий язык, очень хотела бы переводить и с немецкого на русский, а именно не актуальные и модные книги, запружающие теперь книжный рынок, а более изысканные и тонкие произведения.

И вот тут я просил бы Вашего содействия! Не могли бы Вы взять хоть некоторые из этих переводов под Вашу редакцию и указать, к какому издательству лучше обратиться? Само собой разумеется, что моя жена предоставила бы Вам из переводного гонорара сумму, назначенную Вами самим.

Для первого опыта мы выбрали произведение «Karl Gjellerup: der Pilger Kamani-ta, ein Legendenroman» (G<jellerup> датчанин, но пишет по-немецки),¹ вещь глубоко талантливую и тонкую, всю преисполненную атмосферой индийской философии и блещущую картинами дивной красоты.

Если разрешите, моя жена пришлет Вам перевод первых глав, для того чтобы Вы могли судить о вещи и о переводе.²

Надеюсь, Вы простите, что я обращаюсь именно к Вам, но ни у кого другого я не предполагаю того вкуса и понимания, которые требуются для оценки подобных книг как «Pilger Kamanita».

С выражением искреннего уважения
преданный Вам

А. М. Браунер

Wien, XIII./7. Hauptstrasse 105

В верхнем левом углу листа помета Сологуба: «Отв<ет> 7 февр<аля>».

¹ Гьеллеруп (Gjellerup) Адольф (1857–1919) — датский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1917). Впервые на русском языке Гьеллеруп был представлен рассказом «После праздника» (Вестник иностранной литературы. 1900. Декабрь. С. 74–86). Роман «Пилигрим Каманита» (1906), созданный под влиянием идей буддизма и философии А. Шопенгауэра (герои романа — современники Будды), в русском переводе при жизни автора не издавался.

² В архиве Сологуба текст перевода отсутствует.

17

Weidlingau bei/Wien
Hauptstrasse 122. 26./XII.<19>11

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

наконец мне удалось узнать Ваш адрес, и я спешу выразить Вам наше крайнее сожаление по поводу того, что нам не удалось видеть Вас в Вене.¹

Произошло это по стечению разных обстоятельств. Мы уже с полгода не живем больше на Heisinger Hauptstrasse 105, куда Вы мне писали. Письмо было переслано не на нашу частную квартиру (Weidlingau bei Wien Hauptstrasse 122), где его получила бы моя жена, а в бюро, куда я не приходил пару дней, т<ак> к<ак> был в отъезде. Когда мы, наконец, получили Вашу открытку, мы сейчас же отправились в Hotel Post, но Вас уже не было, и швейцар даже не мог сообщить Вашего дальнейшего адреса. Я наугад написал в Ниццу до востребования, но письмо пришло обратно.

Из Вашей открытки я вижу, что Вы нам в свое время писали, но мы не получили ответ на письмо, в котором я писал Вам о переводах моей жены под Вашей редакцией. Ввиду этого я очень просил бы Вас потрудиться сообщить мне содержание этого очевидно затерявшегося письма.

Очень и очень жаль, что не пришлось познакомиться лично с Вами и Вашей супругой.

Глубоко уважающий Вас

Александр Браунер

¹ Осенью 1911 года Сологуб и Чеботаревская совершили первую совместную поездку в Европу, побывали в Мюнхене, Нюрнберге, Цюрихе, Милане, Генуе, Монте-Карло, Париже. Краткие сведения о путешествии содержатся в письмах Анастасии Чеботаревской к сестре Александре (письма от 28 сентября и 22 октября 1911 года: ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 2–5, 8–9). О посещении Вены она писала 3 октября 1911 года (датируется по почтовому штемпелю): «В Вене были в оперетке и в кабачках с Троцкими; здесь познакомились с переводчицей „Нав<ьих> чар“ (M-me Frisch). Отсюда поедem <в> Милан, Геную — в Монте-Карло будем через дней 10 <...>» (л. 2). Упоминаются журналист «Русского слова» Илья Маркович Троцкий (1870–1969) и его жена Анна Родионовна Троцкая (урожд. Шварцберг; ум. 1957). См. о них: *Уральский М.* Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим; М., 2017. С. 30–46 (главка «Два Троцких»). О Феге Фриш см. вступ. статью.

Weidlingau b<ei> Wien Hauptstrasse 122
4./3. <19>12

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

извините, что не сейчас ответил на Ваше любезное письмо — я очень занят и часто разъезжаю, переводами не занимаюсь и предоставил это поле действия жене, которая с большой любовью и преданностью к автору занимается иногда этим делом.

Очень благодарен за Ваше согласие переснять редакцию переводов моей жены, и прошу Вас поэтому очень узнать, не появляется ли уже в русск<ом> переводе последний роман недавно умершего датского поэта Германа Банга «Без отчизны».¹ Произведение это, как почти все написанные Бангом (мы с женой его очень любим), выдающееся, тонкое и затрагивающее весьма актуальную проблему с чуткостью, свойственной только этому глубокому человеку.

Жена моя перевела бы роман с немецкого оригинала, т<ак> к<ак> Банг одновременно выпускал свои сочинения на датском и немецком языках (он жил последние годы в Берлине). Банг, надеюсь, и в России уже популярен,² т<ак> что легче найдется издатель. А затем все еще жена моя не потеряла надежду под Вашей редакцией перевести «Пилигрим Каманита» Гелерупа³ <sic!>.

Нельзя ли заинтересовать Брюсова и поместить переводы в Русск<ой> Мысли?⁴ Извините за беспокойство.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ Банг (Bang) Герман Йохим (1858–1912) — датский писатель, критик, театральный деятель. Сологуб перевел две новеллы Банга: Ее высочество (Ihre Hoheit) // Северные сборники издательства «Шиповник». СПб., 1907. Кн. 1. С. 221–327; Четыре беса (Die vier Teufel) // Там же. С. 146–220; Четыре дьявола (Die vier Teufel) / Пер. Ф. Сологуб; автор предисловия А. Я. Левинсон. Пб.: Всемирная литература, 1919; То же: М.: Типолит. «Печатник» изд. ГИЖ, 1925. В архиве Сологуба сохранился неизданный перевод «Шарло Дюпон» («Charlot Du Pont»), с правкой Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 575). Все три произведения входят в состав оригинального сборника «Эксцентрические новеллы» (на датском языке — «Excentriske Noveller», 1885); перевод «Шарло Дюпон» сделан с издания на немецком языке (см.: Стрельникова А. Б., Филочева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 633, 654). См. также: Стрельникова А. Б., Сысоева А. В. «Ее Высочество» Г. Банга и «Королева Ортруда» Сологуба: перевод как художественный материал // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 228–237. Роман Г. Банга «Без отчизны» («De uden Fædreland»; 1906) — впервые в русском переводе: Без родины / Пер. Якова Сегалю. Авторизованный пер. с датского с предисловием автора к русскому изданию. М.: Польза, 1911; Без родины / Пер. М. Розенфельд // Банг Г. Собр. соч. М.: Изд-во В. М. Саблина, 1911. Т. 10; Без отчествства // Новое слово. 1913. № 3, 4.

² Г. Банг был одним из наиболее известных датских писателей в России в начале XX века, почти одновременно были изданы три собрания его сочинений: в издательствах «Современное творчество» (1909–1910); «В. М. Саблина», (1910–1911), «Современные проблемы» (1910–1913). Романы и рассказы Банга регулярно печатались на страницах периодики. К началу 1910-х годов творчество датского классика было широко представлено в русской критике. См.: Ляпина А. А. Герман Банг. Реценция личности и творчества в русской критике // Филологические науки. 2013. Декабрь. № 11 (41). С. 152–156.

³ См. п. 16, прим. 1.

⁴ В. Я. Брюсов заведовал литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль» (редактор-издатель П. Б. Струве) с сентября 1910 по ноябрь 1912 года. В переписке Сологуба с Брюсовым тема публикации переводов произведений Г. Банга и А. Гьеллерупа не поднималась, см.: Соболев А. Л. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Страннолюбский перебарщивает: Сконопель истоар. С. 320–372; Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 104–125. Однако в сентябре 1910 года в письмах к П. Б. Струве, редактору «Русской

мысли», Брюсов предлагал ему статью Банга о венском актере Й. Кайнце (в переводе Н. Е. Эфроса). См.: *Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960. С. 180–182.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-161-182

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ ВАДИМА БАЯНА: ПИСЬМА К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. В. КРУСАНОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

Вадим Баян — литературное имя Владимира Ивановича Сидорова (1888–1966), до последнего времени известное в основном в связи с литературной биографией В. В. Маяковского, вместе с которым В. Баян участвовал в нескольких крымских выступлениях (январь 1914 года) и впоследствии публично протестовал против использования Маяковским его псевдонима в качестве фамилии одного из персонажей пьесы «Клоп». Вся остальная поэтическая деятельность В. Баяна никогда не привлекала широкого внимания публики и известна сегодня главным образом только специалистам.¹

В кратких биографических сведениях, посланных С. А. Венгеру (1914), В. Баян писал о себе в третьем лице: «*Вадим Баян* (Владимир Иванович Сидоров) — поэт-лирик. Родился в 1888 году в Крыму, в крупной помещицкой семье. Образование получил реальное. В Петербурге прослушал курс естественных наук у Лесгафта. Первые его стихи появились в южных органах печати. В позднейшее время произведения его печатались в северных альманахах и литературных сборниках. Наиболее склонен к лирической эротике. В 1913 году выходит в свет в издании Т-ва Вольф первый том его стихотворений под циклом „Голубая симфония“. Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья — писатели Федор Сологуб, Виктор Муйжель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий Цензор и мн<огие> др<угие>».² Данные сведения дополняет несколько более пространственный вариант автобиографии: «*Вадим Баян* (Владимир Иванович Сидоров). Родился 11-го февраля 1888 года в Крыму в семье помещиков-южан, где и воспитывался. Образование получил реальное, но не официальное. Прослушал курс естественных наук у Лесгафта в С.-Петербурге. Будучи необыкновенно мечтательным мальчиком, детство провел в степях юга, где беззаветно отдавался поэзии и чтению книг. Любил бродячих цыган

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“») в НИУ ВШЭ.

¹ Укажем на следующие работы: *Аброскина И. И.* Баян Вадим // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 192; Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. Л. Дмитренко и А. В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. [Вып.] 23. С. 345–380; *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов. Вадим Баян и русский авангард в Крыму // Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисловие и комм. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 8–51; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 170–196. В статье А. Л. Соболева творческая деятельность В. Баяна в контексте литературных событий 1910-х годов и взаимоотношений с современниками описана с исчерпывающей полнотой, в ней, в частности, приведены фрагменты писем В. Баяна к Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (с. 176, 178, 181, 185, 190); в задачу настоящей публикации входит представление полного корпуса писем Баяна к Сологубу и Чеботаревской, документирующих как нюансы становления литературной биографии Баяна, так и специфику взаимоотношений маститых литераторов с молодыми поэтами-новаторами.

² Письмо В. Баяна С. А. Венгеру (30 января 1914 года) // ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров С. А.). Оп. 7. Ед. хр. 332.